

ДАШКОВА

Ольга ЕЛИСЕЕВА

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Великие исторические персоны

Ольга Елисеева

Дашкова

«ВЕЧЕ»

Елисеева О. И.

Дашкова / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ», — (Великие исторические персоны)

ISBN 978-5-4444-7897-4

Героиня этой книги называла свою жизнь романом, правда, очень грустным. Исследователи часто обращали внимание на вторую часть утверждения, забывая о первой. Между тем биография Дашковой вмещает интриги, перевороты, скандалы, попытки политических убийств и огромную любовь. Любовь одной женщины к другой. По законам времени такое чувство не могло быть счастливым, но дало обильные государственные плоды. Читайте новую книгу известного историка и писателя Ольги Елисеевой о судьбе одной из самых спорных и удивительных фигур XVIII века.

ISBN 978-5-4444-7897-4

© Елисеева О. И.

© ВЕЧЕ

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Одиночество	7
«Источник жгучих огорчений»	10
«Ничем не обязана»	13
«Превосходное образование»	16
«То требует твой род»	18
«Завишу душой и телом»	21
«Мы много потеряли»	24
«Новый мир»	26
Глава 2. Подруга	29
Sans ennui	31
«Сок из лимона»	33
Куртуазная любовь	36
Опасность	39
На английский манер	41
«Горячность в защиту истины»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44
Комментарии	

Ольга Игоревна Елисеева Дашкова

© Елисеева О.И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

*Лжец добровольно лишается доверенности и почтения людского,
и права никогда на оные не имеет.*

Е.Р. Дашкова. Отрывок из записной книжки. 1790 г.

*Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.*

А.С. Пушкин. Герой. 1830 г.

Комплиментов не будет. Личность Дашковой слишком масштабна, чтобы простое словословие в ее адрес помогло разобраться в сложившейся ситуации. Говоря о Екатерине Романовне, современники и последующие биографы сходятся, пожалуй, только в одном – это была женщина, достойная удивления. Всё остальное: характер, ум, душевные качества, вклад в историю и культуру России – вызывает споры.

Недаром гостившая у княгини в начале XIX в. молодая ирландка Кэтрин Уилмот (Вильмот) замечала: «Она настолько оригинальна и сложна, что результатом [характеристики] явится описание клубка противоречий человеческой натуры... Рассмотрение отдельных черт не даст никакого представления об их совокупности... Княгиня переменчива, как погода, в душе ее собраны воедино волнующиеся океаны и разрушительные огнедышащие вулканы, дикие пустыни и скалы... Ты можешь считать Европу раем, живя в Италии и полагая остальные страны подобными ей»^[1].

Кэтрин имела в виду, что к ним с сестрой Мартой хозяйка поворачивается самой ласковой, самой приятной стороной и гостям живет в московском дворце Дашковой припеваючи. Они словно в Италии. Но где-то есть и Сибирь...

Хрестоматиен отзыв А.Н. Герцена, публикатора «Записок» Екатерины Романовны: «Какая женщина! Какое сильное, богатое существование!»^[2] Но были и другие характеристики, среди которых «бой-баба с замашками принцессы», «скупяга»^[3] (так угощала бывшую подругу императрица) – еще не самая худшая. А.С. Пушкин, например, считал, что Дашкова стала президентом Академии наук «через постель» государыни^[4].

Но больше всех порезвились дипломаты. Для них княгиня была и героиней, и интриганкой, и любовницей графа Панина, и его дочерью, и участницей многочисленных заговоров против Екатерины II, и рукой, готовой вонзить кинжал в сердце Петра III. В противовес этой легенде возникла другая – жертва опалы и неверной дружбы сильных мира сего, женщина выше своего времени, верная супруга, нежная, просвещенная мать, мужественная заговорщица, бескорыстная патриотка, рачительная хозяйка, победившая долги и нищету.

Из столкновения этих двух взглядов родилась вся историография, посвященная княгине. Но читатель вправе спросить, где же сама Екатерина Романовна? В отзывах недоброжелательных критиков? Или в мемуарах, написанных как самооправдание? Не закрывают ли обе маски живое лицо? Ведь давно замечено, что истина находится отнюдь не посередине между версиями...

Глава 1. Одиночество

Девочка не знала, что ее хотят осчастливить, увозя в дом столичной родни, и горько плакала, расставаясь с бабушкой. Еще горше плакала «добрая старуха», из заботливых рук которой вырывали внучку – последнюю радость, кровиночку от умершей дочери. Для нее самой с этой минуты жизнь должна была кончиться.

Возок тронулся. Сгорбленная фигурка осталась за поворотом дороги. Четырехлетняя малютка осиротела во второй раз.

Больше Екатерина Романовна никогда не видела свою бабушку с материнской стороны. Ее ждали богатство, знатность, близость ко двору. Из темного захолустья дитя везли к свету – в самый европейский город России – Петербург.

Там было все. Здесь ничего. И тем не менее...

Пройдет много лет, и пожилая княгиня Дашкова будет со слезой в голосе вспоминать тот давний февральский день. Не смерть матери, которой она не помнила. А разлуку с единственным человеком, которому маленькая Катя была дороже жизни, который ее действительно любил.

В «Записках» наша героиня скупа: «Я имела несчастье потерять свою мать на втором году... Во время этого события я находилась у своей бабушки в одной из ее богатых деревень. С трудом она расставалась со мной, когда я была по четвертому году, чтоб отдать меня на воспитание в менее ласковые руки. Впрочем, мой дядя-канцлер вырвал меня из теплых объятий этой доброй старухи и стал воспитывать вместе со своей единственной дочерью»^[5].

Что стоит за строкой? Здесь и запоздалое признание в любви – ведь в четыре года не скажешь бабушке искренних, правильных слов – и скрытый упрек высокопоставленной родне, которая, конечно, позаботится о сироте, окружит ее роскошью, но не сердечным теплом. Сановный дядя слишком занят, тетя – легкомысленна. И оба увлечены собой. А потому, на первых порах жизни, простая, безграмотная старуха с нежным сердцем может дать ребенку больше всех сокровищ мира.

Мы обратили внимание на этот эпизод потому, что он кажется нехарактерным для «Записок» Дашковой – выламывается из них. Сколько раз читатель будет неприятно поражен высокомерными пассажами, в которых мемуаристка подчеркнет свою знатность, аристократическое происхождение, древность рода, семейную близость с августейшей фамилией.

«Императрица Елизавета... держала меня у купели, а моим крестным отцом был великий князь, впоследствии император Петр III. Оказанной мне императрицей чести я была обязана не столько ее родству с моим дядей, канцлером, женатым на двоюродной сестре государыни, сколько ее дружбе с моей матерью, которая с величайшей готовностью, деликатностью, скажу даже – великодушием снабжала императрицу деньгами в бытность ее великой княгиней, в царствование императрицы Анны, когда она была очень стеснена в средствах».

При этом мемуаристка «забыла» упомянуть имя матери, поскольку имелось сомнение: не из купцов ли та? Зато на первый план вышел род отца. «Не буду говорить о моей фамилии; ее старинное происхождение и выдающиеся заслуги моих предков так прославили имя графов Воронцовых, что им могли бы гордиться даже люди, гораздо более меня придающие значение знатности рода»^[6].

«Не буду говорить, Катилина, что ты вор, изменник и плут», как писал Цицерон, чьи речи против политического врага Дашкова, без сомнения, читала.

Беда в том, что особой знатностью до середины XVIII в. Воронцовы не отличались. Аристократией с выслуженным, а не родовым титулом они стали только со времен Елизаветы Петровны. В XVI столетии это была старинная дворянская семья с крепкими корнями, числившаяся, как тогда говорили, «по московскому списку»^[7]. При Иване Грозном, ее представи-

тели получали высокие чины: окольничего и боярина. Во время Ливонской войны упоминался воевода Семен Воронцов. Однако уже в первой четверти XVII в. отпрыски Воронцовых служили то стряпчими, то стрелецкими полковниками, и к началу XVIII в. род, как тогда говорили, захудал. Илларион Гаврилович – отец будущего канцлера – занимал чин стольника и, имея шестерых наследников, владел только двумя сотнями душ^[8]. Своего сына он пристроил пажом к царевне Елизавете, но двор «веселой Елисавет» при строгой Анне Иоанновне был беден, а саму будущую императрицу считали незаконнорожденной. Так что служить ей большой выгоды не было. Все изменилось после переворота 1741 г. В ту роковую ночь камер-юнкер Михаил Воронцов стоял на запятках саней своей повелительницы. После коронации он стал камергером, генерал-поручиком, получил звезду Св. Александра Невского, а в 1744 г. графское достоинство. Началось стремительное восхождение семьи по золотым ступеням. Вспоминается знаменитое Пушкинское замечание о «древних родах», которые восходят «от Петра и Елизаветы», при этом демонстрируя «спесь герцога Монморанси, первого христианского барона»^[9]. Именно это качество порой проявляла Екатерина Романовна.

Принадлежность к семейству Воронцовых – один из главных жизненных козырей княгини. Не случайно в «Записках» столичные аристократы заслоняют остальную родню. Ведь в прошлом главной героини все должно быть безупречно. С первых строк Екатерина Романовна упрямо лепила идеальный образ. И здесь высокое происхождение вместе с блестящим образованием станут залогом будущего права княгини вершить судьбу Отечества. Малейшая червоточина – и древо нельзя будет признать добрым. Его плоды станут горчить.

А потому помощь матери юной цесаревне Елизавете – достойный предмет для рассказа. А вот имя может быть опущено.

То же произойдет и с титулом. Дядя Дашковой стал графом в 1744 г. Отец же – только в 1760 г. Поэтому дочери Романа Илларионовича в первые годы жизни при дворе не имели права называться «графинями», но в угоду сильной родне их так именовали. Наша героиня раньше выйдет замуж и сделается княгиней, чем ее батюшка – графом. Тем не менее в письме к сыну Павлу по поводу его тайной женитьбы она скажет: «Когда ваш отец собирался жениться на графине Екатерине Воронцовой, он поехал в Москву испросить разрешение на то своей матери»^[10]. Таким образом, Екатерина Романовна задним числом припишет себе графский титул, считая его как бы неотъемлемым свойством рода.

Она будет гордиться чисто семейной близостью с августейшей фамилией. Эта черта ярко проявилась в ее ссоре с фаворитом Екатерины II – А.Д. Ланским. Молодой человек упрекнул княгиню за то, что в редактируемых Академией наук «Санкт-Петербургских ведомостях» после имени императрицы упомянуто только имя Екатерины Романовны. И получил гневную отповедь: «Милостивый государь, как ни велика честь обедать с государыней, но она меня не удивляет, так как с тех пор, как я вышла из младенческих лет, я ею пользовалась. Покойная императрица Елизавета... бывала у нас в доме каждую неделю, и я часто обедала у нее на коленях, а когда я могла сидеть на стуле, то обедала рядом с ней. Следовательно, я вряд ли стала бы печатать в газетах о преимуществе, к которому я привыкла с детства и которое мне принадлежит по праву рождения»^[11].

Камер-фурьерский журнал – официальный источник, фиксировавший внешнюю жизнь императрицы день за днем, час за часом – показал, что о «каждой неделе» речь не шла. За 12 лет, с 1747 по 1759 год, когда Екатерина Воронцова воспитывалась в доме дяди, Елизавета Петровна посещала своего вельможу 16 раз: чуть больше раза в год. Имя девушки за столом не названо^[12].

Позднее, в «Записках», княгиня специально оговорит, что после возвращения из-за границы в 1782 г. и до отставки в 1794 г. она дважды в неделю обедала у Екатерины II. И вновь Камер-фурьерский журнал покажет иную картину: Дашкова бывала во дворце только по воскресеньям^[13].

Однако упорство, с которым княгиня настаивала на том, что «мой куверт всегда будет накрыт за этим столом», уже само по себе показательно. Она не забудет записать, что в итальянской опере закрытая ложа императрицы, «находилась рядом с нашей». Подобные сведения, старательно собранные и переданные читателю, представлялись нашей героине необычайно важными – приподнимавшими ее над обыденной жизнью, вырывавшими из толпы у подножия трона, ставившими рядом с монархом, превращавшими в наперсницу. Ими пожертвовать она не могла. Приведенные примеры свидетельствуют, что Екатерина Романовна обладала не только развитым честолюбием, но и заметным тщеславием.

И вдруг такая острая боль от разлуки с бабушкой – простой, незнатной старухой. Выходит, тепло и любовь, которые та могла дать сироте, были в глазах княгини более важными и более нужными, чем роскошь, утонченное воспитание и честь обедать на коленях у императрицы Елизаветы.

«Источник жгучих огорчений»

Екатерина Романовна родилась 17 марта 1743 г. Позднее она станет убавлять себе год и заявлять, будто появилась на свет в 1744-м. Этому не стоит удивляться. Многие ее современники путались с точной датой рождения, твердо зная только число и день недели, у Дашковой – четверг.

Сказалась и французская мода называть примерный возраст. Барон А.С. Строганов писал в 1758 г. о своей невесте Анне Михайловне Воронцовой, двоюродной сестре нашей героини: «Что же касается до той, которую я люблю, то ей 14 или 15 лет и ко всем качествам ея ума и красоты нужно присоединить еще и прекрасное воспитание»^[14]. Точно также и Екатерина Романовна готова была утверждать, что в момент знакомства с будущим мужем ей исполнилось четырнадцать или пятнадцать лет. Тут не было злого умысла. Она просто не знала точно.

Туманом недоговоренностей был покрыт и другой вопрос. Официальным отцом ребенка считался Роман Илларионович (Ларионович, как писали в то время) Воронцов, которому его супруга Марфа Ивановна, урожденная Сурмина, уже подарила троих детей: Александра, Марию, Елизавету – а через год подарит младшего сына Семена. Дочь Екатерина была четвертой. Супруг Марфы Ивановны «отличался разгульностью»^[15], а за ней самой ухаживал молодой дипломат Никита Иванович Панин. Его-то злые языки и называли настоящим отцом ребенка.

Таким образом, тень, лежавшая на младенце, с колыбели определяла его судьбу. Когда Марфа Ивановна скончалась¹, Роман Илларионович не затребовал сироту домой и не отправил к брату, как других дочерей, в которых был уверен. Малышку оставили у бабушки Федосьи Артемьевны – как бы подчеркивая, что других родных за ней пока не признают. Лишь через два года Екатерину все-таки забрали в Петербург, и то по настоянию дяди, а не по желанию отца.

Последний жил в свое удовольствие. «Мой отец, граф Роман, младший брат канцлера, был молод, любил жизнь, вследствие чего мало занимался нами, своими детьми, и был очень рад, когда мой дядя... взялся за мое воспитание»^[16]. Растратив значительную долю драгоценностей покойной супруги на любовниц, Роман Илларионович, наконец, успокоился с английской содержанкой Элизабет Брокет, которую теперь величали Елизаветой Денисьевой².

Более основательный Михаил Илларионович заботился о детях двоюродного брата, как мог. Свою единственную дочь Анну Михайловну и двух племянниц Марию и Елизавету он определил ко двору фрейлинами. Но младшая Екатерина не удостоилась этой чести. Возможно, ее обошли фрейлинским шифром по той же причине, по которой прежде оставили у бабушки. Не здесь ли корни болезненного честолюбия, в котором часто упрекали княгиню? Ведь первая рана оставляет глубокий след. Того обостренного внимания, которое Екатерина Романовна уделяла своему положению рядом с августейшими особами? Того искреннего гнева, который княгиня испытывала при малейшей, даже мнимой, попытке отодвинуть ее в сторону, обойти в наградах, не оценить заслуг, не заплатить за преданность?

«Невинные» впечатления детства порой куда сильнее царапают душу, чем дальнейшие горести, пришедшие к уже закаленному и очерстевшему человеку. Девушку посчитали неудобным определить ко двору. В Камер-фурьерских журналах времен Елизаветы Петровны нет упоминаний о Дашковой, хотя страницы пестрят именами ее сестер, кузины, тетки Анны

¹ Мать Дашковой умерла 27 лет от роду. Глядя на ее портрет кисти неизвестного художника, изображающий полную миловидную даму в чепце, трудно поверить, что той нет и 30. По современным меркам, ей сильно за сорок. Однако тогда женщины и взрослели, и увядали раньше.

² Вспомним забавный эпизод из «Отцов и детей» И.А. Тургенева, где служанка «эмансипе» Кукшиной ходила в чепце, а не в платке, что указывало на прогрессивные вкусы хозяйки. За век до этого любовница-англичанка символизировала европейские предпочтения вельможи-покровителя.

Карловны и, конечно, дяди вице-канцлера. Несколько раз встретится отец – 3 марта 1748 г. он будет награжден орденом Св. Анны, а 25 декабря 1755 г. станет генерал-поручиком^[17].

Старший брат княгини Александр Романович вспоминал, как часто его возили на представления придворного театра. Вместе с другими отпрысками служивших при дворе особ императрица приглашала Александра на особые детские балы в ее апартаментах. Там танцевало от 60 до 80 мальчиков и девочек, пока родители ужинали в обществе Елизаветы Петровны^[18]. Дашкова не бывала ни на спектаклях, ни на маленьких праздниках.

Особенно красноречива ситуация со свадьбами – важным придворным действием. 15 февраля 1758 г. состоялось венчание камер-юнкера Петра Бутурилина и старшей сестры нашей героини – фрейлины Марии Романовны Воронцовой. А через три дня – камер-юнкера барона Александра Строганова и фрейлины Анны Михайловны Воронцовой. «Ближней девицей» невест в обоих случаях стала Елизавета Романовна, к тому времени уже фаворитка наследника Петра Федоровича. Ее младшая сестра Екатерина ни на одном из торжеств не присутствовала^[19].

Где же она была? Дома за печкой? Такое положение, если и соответствовало действительности, то никак не годилось для мемуаров. И Екатерина Романовна заставляет императрицу часто навещать дом Михаила Илларионовича, милостиво, по-семейному, разговаривать с его младшей племянницей, а позднее соучаствовать в сватовстве князя Дашкова. То есть присваивает внимание августейшей особы, на самом деле оказываемое ее сестрам.

Имелась еще одна трещина в скорлупе золотого яичка, каким для каждого ребенка должна быть семья. Брак родителей, говоря со строго христианской точки зрения, не был вполне законным. Молодая ирландская компаньонка княгини Марта Уилмот (Вильмот) в 1808 г. записала историю, которую сама престарелая Екатерина Романовна не захотела включать в мемуары: «Госпожа Сурмина, чье состояние составляло очень большую сумму, еще девочкой была выдана замуж за князя Юрия Долгорукова. Вскоре после этого семья Долгоруковых попала в опалу, и императрица Анна [Иоанновна] приговорила князя к пожизненному изгнанию в Сибирь. Мать Сурминой... бросилась к ногам императрицы, умоляя разрешить развод дочери, получила разрешение и через несколько месяцев³ выдала ее замуж за графа Романа Воронцова»^[20]. После возвращения из ссылки в 1741 г. Долгоруковы встретились с Воронцовыми. Бывшие супруги узнали друг друга и «были чрезвычайно смущены», но ни о каком «возвращении к старому» речи уже идти не могло. Тем более что Марфа Ивановна для получения развода написала на высочайшее имя прошение, в котором заявляла несогласие с «образом мыслей» мужа^[21].

Почему такой колоритный случай не попал на страницы «Записок»? Ведь он отчасти обелял мадемуазель Сурмину, создавая между нею и аристократическим семейством Воронцовых своего рода трамплин – Роман женился не на купеческой дочке⁴, а на княгине Долгорукой (Долгоруковой). Каково ее собственное происхождение, уже не столь важно – ведь и сама Елизавета Петровна не без пятнышка. В первые десятилетия после петровского царствования браки представителей разных сословий не были редкостью. Поиздержавшаяся знать женила своих отпрысков на купчихах. Да и позднее эта традиция не ушла в прошлое, а вот к разводу стали относиться куда строже. Если раньше, во времена Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, одного слова государыни было достаточно для расторжения брака, то уже Екатерина II сознательно устранялась от вмешательства в семейные дела и оставляла Синоду его неотъем-

³ Уточним, что Долгоруковых сослали в 1731 г., когда Марфе Ивановне было всего 13 лет. Новый брак мать сумела устроить ей только в 1736 г.

⁴ В среде исследователей существует и другое мнение, согласно которому отец Марфы Сурминой – Иван Михайлович имел поместья под Костромой, служил конюшим Патриаршего приказа, носил чин стольника, владел деревнями и торговал в разных городах. Позднее Дашкова напишет, что отец ее невестки Алферовой был «облагорожен чинами». Полагаем, нечто подобное произошло и с Сурминым.

лемое право судить неполадивших супругов. Позволение на развод стало крайней редкостью. С этим столкнулась двоюродная сестра Дашковой – Анна Михайловна Строганова, чей брак оказался неудачным, а дело о разводе тянулось так долго, что бедняжка успела зачать.

К началу XIX в. в русском обществе уже решительно осуждали женитьбу на разведенной. Тем большему остракизму подвергся бы союз без формального церковного расторжения предыдущего брака. Вот Екатерина Романовна и промолчала. Вторичный брак в религиозных семьях вообще считался грехом, тяжесть которого ложилась на детей. Например, Наталья Борисовна Долгорукая (Долгорукова), урожденная Шереметева, дочь фельдмаршала, составляя «своеручные записки»^[22], озвучила именно такой, чисто средневековый, взгляд на свою судьбу. Ее отец Борис Петрович после смерти первой жены собирался в монастырь, а вышел от царя Петра I, держа за руку новую нареченную. За нечестье родителей должен был отстрадать их единственный ребенок, и Бог послал Наталье очень короткое счастье с любимым князем Иваном Долгоруким и долгие мытарства, бедность, вдовью долю и, наконец, успокоил в келье Флоровского монастыря в Киеве инокиней Нектарией⁵.

За поколение до нашей героини даже очень образованные представители русской аристократии смотрели на себя и свое место в мире, исходя из строгих православных представлений. Осознание грехов, в том числе и грехов родителей, примиряло людей с собственными страданиями.

Но Екатерина Романовна была уже человеком Нового времени. Личностью, готовой предъявить Богу свой счет обид. Ее смирение – чувство особого рода – она не жила с ним, а долго шла к нему. Впадая то в гордыню, то в отчаяние. Дошла ли?

В «Записках» нет. Но, к счастью, после окончания рукописи Мартой Уилмот в 1804 г. (по другим данным, в 1807 г.) у Екатерины Романовны оставалась еще горсточка лет. Еще несколько последних шагов в полном одиночестве. Как бы ни загораживала героиня мемуаров реальную Дашкову, как бы ни слипалась с ней, порой становясь исследователям дороже настоящей, есть надежда, что живой человек в нравственном отношении больше персонажа воспоминаний. Все, что мы можем найти на страницах – легкие отпечатки его души.

⁵ «Запики» Н.Б. Долгорукой были созданы в 1767 г. К началу XIX в., когда шла работа над мемуарами самой Дашковой, этот источник ходил в списках. Поступок Натальи Борисовны, последовавшей за мужем в ссылку в Березов, вызывал восхищение читающей публики. Недаром позднее Н.А. Некрасов в поэме «Русские женщины» поставит ее на одну доску с женами декабристов, сделав символом жертвенной супружеской любви. Возможно, Дашкова опустила историю брака родителей, чтобы избежать невыгодного для матери сравнения.

«Ничем не обязана»

Мысль о своей зависимости от близких, видимо, причиняла княгине боль, уязвляла самолюбие. Уже после переворота 1762 г. дядя Михаил Илларионович в письмах к племянникам сетовал на неблагодарность воспитанницы. Сама Екатерина Романовна с раздражением написала брату, что «ничем не обязана» родне. И получила гневную отповедь молодого дипломата: «Вы благоразумно поступаете, желая уменьшить достоинство благодарности... Всем известны заботы дяди и тетки о вашем воспитании и об устройстве вашей судьбы»^[23].

В те времена было принято, чтобы родня, земляки, старые сослуживцы отправляли кого-то из своих многочисленных детей воспитываться в семьи столичных благодетелей. В Москву и Петербург. Там проще было найти педагогов, имелись высшие учебные заведения, молодые люди обзаводились нужными знакомствами, приискивали место будущей службы, а девушки могли кому-нибудь приглянуться.

Уже в следующем столетии А.С. Пушкин попробовал воссоздать особый психологический тип – девушки-воспитанницы. Осенью 1829 г. в отрывке «Роман в письмах» он вывел героиню Лизу: «Зависимость моего положения была всегда мне тягостна. Конечно Авдотья Андреевна воспитывала меня на равне с своею племянницею. Но в ее доме я все же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, как много мелочных горестей неразлучны с этим званием. Много должна была я сносить, во многом уступать, многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения. Самое равенство мое с княжною было мне в тягость. Когда являлись мы на бале, одетые одинаково, я досадовала, не видя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила их для того только, чтоб не отличаться от меня, и эта внимательность уж оскорбляла меня... Сердце мое, от природы нежное, час от часу более ожесточалось. Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц... обыкновенно бывают или низкие служанки, или несносные причудницы? Последних я уважаю и извиняю от всего сердца».

Даже богатые девушки, попав на воспитание к родным, могли чувствовать себя уязвленными. Маленькой Екатерине казалось, что близкие на самом деле равнодушны к ней, несмотря на внешние проявления заботы, что искренней привязанности в них нет. «С раннего детства я жаждала любви окружающих меня людей, – писала она, – и хотела заинтересовать собой моих близких, но когда в возрасте тринадцати лет мне стало казаться, что мечта моя не осуществляется, мною овладело чувство одиночества... При первых признаках кори меня отправили в деревню, за семнадцать верст от Петербурга... Глубокая меланхолия, размышление над собой и над близкими мне людьми изменили мой живой, веселый и даже насмешливый ум... Я начала сознавать, что одиночество не всегда бывает тягостно».

Суетность родных, которые услали больного ребенка в деревню, лишь бы не лишиться права посещать двор, очевидна. Елизавета Петровна была очень мнительна: боялась покойников и при малейшем подозрении на нездоровье приказывала отсылать приближенных из резиденции. Поэтому вице-канцлер с супругой действовали в отношении племянницы строго в соответствии с «придворной грамматикой». Но, конечно, не в соответствии с христианскими добродетелями.

Упомянутая в «Записках» корь – первый рубежный момент в развитии личности мемуаристки. Недаром она настаивала, что эта «случайность» «сделала из меня ту женщину, которою я стала впоследствии». То есть читающую и размышляющую над прочитанным. Но не только. Девочка впервые по-настоящему осознала: она одна, и никому, в сущности, нет до нее дела.

Беспрерывное ночное чтение подрывало здоровье. Екатерину Романовну осаждали вопросами, не происходит ли ее болезненный вид от сердечной тайны: «Я не дала на них искреннего ответа, тем более что мне пришлось бы признаться в своей гордости, уязвлен-

ном самолюбия и раскрыть принятое мною самонадеянное решение собственными силами добиться всего»^[24].

В «Записках» болезнь и вынужденная «ссылка» в имение под Петербургом относятся к 1756 г., поскольку княгиня сама назвала свой возраст – тринадцать лет. Но есть основания сдвинуть дату на более позднее время. Дашкова писала: «Мой брат Александр уехал в Париж еще до моего возвращения в город. С его отъездом я лишилась человека, который своею нежностью мог бы залечить раны, нанесенные моему сердцу окружающим меня равнодушием».

Александр Романович, которого сестра выделяла из всей семьи – «я лишь его одного знала с детства; мы с ним часто виделись, между нами с раннего возраста возникла привязанность» – начал службу в Измайловском полку, а в 1758 г. был отправлен дядей в рейтарскую школу Шево-Лежер в Версале. Вице-канцлер выступил одним из деятельнейших сторонников русско-французского союза, и определение его племянника на учебу во Францию стало знаком благодарности Людовика XV.

Таким образом, описанные Екатериной Романовной события относились не к 1756-му, а к 1758 г. И чувство одиночества, равнодушия родных возникло у девушки неслучайно. Оно оказалось спровоцировано февральскими свадьбами сестры и кузины⁶, на которых наша героиня не присутствовала, вероятно, из-за кори.

Возникает вопрос: неужели нельзя было подождать с венчаниями до выздоровления младшей мадемуазель Воронцовой? Но нет, родня посчитала это ненужным. Жених – как раз тот волк, который может убежать в лес. А если Катя не поправится? (По тем временам корь – болезнь опасная, с горячкой.) Тогда придется пережить еще и траур. Между тем императрица Елизавета именно сейчас выделяет деньги на свадьбы – четыре тысячи рублей^[25]. Кто знает, согласится ли она на подобную милость через пару месяцев? Будут ли у нее средства? Ведь идет война с Пруссией.

Эти доводы следует признать весьма «резонабельными», как тогда говорили. Но и ощущение брошенности возникло у нашей героини не на пустом месте. «Если бы кто-нибудь мог бы тогда предсказать мне страдания, ожидавшие меня, я бы положила конец своему существованию: у меня уже появилось предчувствие, предсказывавшее мне, что я буду несчастна». Самой княгине эти мысли казались чем-то вроде предвидения. Но, примерив их на возраст и обстоятельства, следует сделать вывод, что героиня переживала жестокую подростковую депрессию – даже призрак самоубийства посещал ее.

Девушке пора было замуж, а судьба пока не складывалась. Что казалось особенно больно на фоне счастливых сестер – Марии и Анны. Последняя была младше нашей героини на месяц, однако носила фрейлинский шифр, и сама императрица приискала ей партию. Приглядимся к списку предметов, пожалованных Елизаветой Петровной в приданое фрейлинам Воронцовым. Здесь и парчовые юбки с рюшами, шитые золотой и серебряной нитью, и епанчи на собольем меху, и дорогие ткани: штоф, люстрин, тафта, канель – кровати под балдахинами с позументом, голубые французские обои и занавески в спальню, красное сукно на пол. А сверх того денег на обзаведение. По отцу и дочери честь. Анна Михайловна получила даров на сумму 25 тыс. 45 руб. 93 коп. А Мария Романовна вдвое меньше – 11 тыс. 541 руб. 86 коп.^[26]

Когда сама Екатерина Романовна выйдет замуж, высочайших пожалований не будет, ведь она не состояла при дворе. К тому же заболит тетка Анна Карловна, свадьбу придется откладывать и в конце концов справить «без малейшего блеска». Эти слова мемуаристки звучат как упрек, но, не зная предыстории со свадьбами сестры и кузины, читатель не догадывается, в чем княгиня обвиняет родных – болезнь не зависит от злой воли человека. Однако у девушки

⁶ Согласно Камер-фурьерскому журналу за 1758 г. эти свадьбы произошли 15 и 18 февраля. А вот в расходной ведомости, поднесенной Елизавете Петровне год спустя, указано: кузины венчались в один день 12 февраля, на что императрица выделила 4000 рублей. Возможно, находившийся тогда в стесненном финансовом положении канцлер сумел одним махом сыграть обе свадьбы, что было в духе Воронцовых – несметно богатых и постоянно жаловавшихся на бедность.

были причины негодовать: из-за ее кори никто не стал беспокоиться, а она должна ждать, терпеть и полагаться только на щедрость отца и дяди. Как оказалось, весьма сомнительную. К ней приданое не придет из августейших рук.

Поэтому-то в «Записках» милостивое отношение Елизаветы Петровны будет подчеркнуто иными средствами. Болезненный вид девушки обеспокоит именно императрицу, и она пришлет к ней Германа Бургава – не простого лейб-медика, а главу целого конклава врачей, служивших при дворе. Последний сделает в целом правильное заключение: физически племянница вице-канцлера здорова, но ее подавленность вызвана «сердечной заботой». Т. е. психологическим состоянием. Родные кинулись искать предмет тайной страсти. Им и в голову не пришло, что Екатерина Романовна чахнет как раз от отсутствия любви. Что чтением она побеждает пустоту. Занимает ум, пока сердце свободно⁷.

⁷ В октябре 1762 г. старшая сестра нашей героини Елизавета, пережив страшные потрясения во время переворота и лишившись Петра III, накупит в книжной лавке французских романов на двести рублей. Стараясь избавиться от тяжелых мыслей, она погрузится в чтение, утонет в нем. Значит, не так уж непохожи были две «Романовны», только одна в качестве спасения выбирала серьезные философские книги, а другая – что попроще.

«Превосходное образование»

К 15 годам в душе Екатерины уже пробуждалось убеждение, что умственно и нравственно она далеко превосходит очаровательных трещоток из окружения императрицы, дам своего круга, да и вообще свой пол. Угрозило же ее родиться женщиной! Ведь она интересовалась совсем неподходящей литературой. «Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало».

Брат нашей героини Александр свидетельствовал, что отец выписал для детей «из Голландии очень хорошо составленную библиотеку», в которую входили сочинения Вольтера, Расина, Корнеля, Буало. «Я обнаружил решительную склонность к чтению, – вспоминал граф, – так что в 12 лет я был знаком с... французскими писателями»^[27]. После отъезда Александра эти сокровища оказались в полном распоряжении его сестры. Частью из них она составит и собственную библиотеку, которую существенно пополнит закупками в лавках Петербурга и Москвы.

У дяди тоже имелась библиотека, которую он целиком приобрел в 1753 г. во время заграничного путешествия^[28]. Через три года, когда в тайне готовилось подписание русско-французского договора, в дом вице-канцлера прибыл в качестве библиотекаря резидент Шарль д'Эон де Бомон, позднее ставший секретарем французского посольства^[29]. Въезжая в Россию, шевалье назвался «писателем и философом», направляющимся в Петербург, чтоб служить у графа Воронцова. Однако, попав на место, д'Эон понял, что его «легенда» терпит крах. Он в панике писал парижскому начальству, что книг в доме Воронцова очень мало и что, отправляясь в Россию библиотекарем, ему, по крайней мере, стоило бы прихватить с собой из Парижа свою библиотеку^[30].

А вот Екатерине Романовне собрание дяди вовсе не казалось бедным. Кто же прав? Истина в том, что «много книг» в понимании петербургской барышни и парижского адвоката, доктора права Сорбоннского университета – разные вещи. Шевалье оставил дома «забитую книгами комнату и еще шесть сундуков». Несколько полок, обнаружившиеся у русского вельможи, его не впечатлили.

Однако накопление родовых книжных богатств в императорской России еще только начиналось. Если старшие Воронцовы – Михаил и Роман – покупали за границей уже готовые коллекции, то младшие – Александр, Екатерина и Семен – будут именно собирать библиотеки, рыться в лавках, просматривать каталоги, искать редкости. Даже оспаривать издания друг у друга. «Что касается книг, то мне оные очень нужны, – писал в 1764 г. из Вены отцу Семен Воронцов, – а те, которые в России у меня остались, совсем разорены по милости княгини Дашковой... из шести сот и пятьдесят цельных не найдется»^[31].

Когда в 1759 г. Екатерина Романовна отправится в Москву, она увезет с собой 900 томов, чтобы не скучать. А уже к концу века ее московская библиотека составит четыре с половиной тысячи книг на шести языках, опись которых будет простираться на 50 страниц^[32].

Вкус к интеллектуальному пиршеству был привит детям в доме, где сами хозяева еще не слишком понимали, чем книги отличаются от обоев, но покорялись иностранной моде. Вице-канцлер дал племянникам лучшее из того, что можно было получить в Петербурге. «Мой дядя не жалел денег на учителей – писала Дашкова, – и мы – по своему времени – получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским; хорошо танцевали; умели рисовать... У нас были изысканные и любезные манеры, и потому не мудрено было, что мы слыли за отлично воспитанных девиц. Но что же было сделано для развития нашего ума и сердца? Ровно ничего». Только болезнь и одиночество заставили девушку задуматься о вещах более глубоких, чем танцы. «Я стала прилежной, серьезной, говорила мало, всегда обдуманно... Ум мой зрел и укреплялся»^[33].

По инерции многие исследователи продолжают именовать домашнее образование княгини «блестящим». Хотя сама Екатерина Романовна была от него не в восторге. В 1776 г., когда Дашкова находилась в Англии, заместитель министра юстиции Александр Уэддерберн писал своему другу Уильяму Робертсону, ректору Эдинбургского университета, где предстояло воспитываться сыну княгини: «Хотя она не очень хорошо говорит по-английски, она понимает этот язык прекрасно и беседует на нем без особого смущения... Она имеет очень сильный ум, который начала развивать немного поздно и самостоятельно, следовательно, вы должны ожидать встретить в нем некоторую неотделанность»^[34].

Итак, на ученых мужей в Англии образованность Дашковой производила не то впечатление, на которое, быть может, рассчитывала сама княгиня. Домашнее обучение у дяди – достаточное, если не сказать избыточное для сестер – стало для Екатерины Романовны только первой ступенью, без которой дальнейшее получение знаний невозможно. Особенно если учесть, что любителя просвещения окружало море иностранных книг, среди которых ручеек русских был почти незаметен. А потому знание европейских языков – ключ от мира.

Знакомство же с родным – интеллектуальная прихоть. Старший брат Екатерины Романовны – Александр писал о своем воспитании: «Главное его достоинство в том, что в то время не пренебрегали изучением русского языка». И сетовал далее: «Россия – единственная страна, где пренебрегают изучением родного языка... Те жители Петербурга и Москвы, которые считают себя просвещенными, заботятся и о том, чтоб их дети знали и французский язык, окружают их иностранцами, дают им хорошо стоящих учителей танцев и музыки, но не учат их родному языку, так что это прекрасное и дорогостоящее воспитание ведет к совершенному незнанию Родины, и к равнодушию и даже презрению к стране, с которой неразрывно связано наше существование»^[35].

Как видим, незнание родного языка к середине XVIII в. уже тяготило молодое поколение образованных русских. После Петра Великого легкомысленные «елизаветинцы» даже не задумывались о том, что их детям может не хватить «жмыха» от европейских знаний. Ведь они сами поглощали эту пищу едва ли не со священным трепетом. Но подступало иное время, и на пороге нового великого царствования многие представители образованного сословия захотели чувствовать себя не только европейцами, но и русскими. То есть знать язык.

Это было жизненно важно для их самоидентификации. «Самостояния», как скажет А.С. Пушкин. Молодые Воронцовы по собственному желанию попытались изучать русский. Екатерина с кузиной Анной до 1756 г. брала уроки у надворного советника Федора Дмитриевича Бехтеева. Этих знаний оказалось недостаточно. Выйдя замуж и отправившись в Москву, молодая княгиня попала не просто в «новый мир», а в иную языковую среду. «Меня смущало и то обстоятельство, что я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь не знала ни одного иностранного языка. Ее родня состояла все из стариков и старушек, которые относились ко мне очень снисходительно... но я все-таки чувствовала, что они желали бы видеть во мне москвичку и считали меня почти чужестранкой. Я решила заняться русским языком и вскоре сделала большие успехи»^[36].

Позднее главным трудом Екатерины Романовны стало составление «Словаря Академии Российской». Едва ли она смогла бы руководить этой грандиозной работой, если бы в юности не испытала мук немоты и глухоты иностранца в чужой стране.

«То требует твой род»

Неудивительно, что молодые Воронцовы рано попробовали свои силы в переводах. За два года до поездки в Париж Александр опубликовал в журнале Ф.-Г. Миллера «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» переводы философских повестей Вольтера «Микромегас» и «Мемнон, желающий быть совершенно разумным». Первая из них могла бы показаться научной фантастикой. Двое инопланетян с Сириуса и Сатурна по мосту, образованному северным сиянием, спускаются на «наш шар». Собственный рост пришельцев очень высок, поэтому люди кажутся им мыслящими песчинками.

Сам по себе сюжет уже способен увлечь подростка, но, в отличие от современного читателя, люди эпохи Просвещения ценили назидательность и притчевый строй литературы. С ужасом обитатели иных миров узнают, что их новые знакомые ведут кровопролитные войны, и убеждены, будто вселенная создана исключительно для них. Чтобы рассказать землянам, как на самом деле устроен мир, Микромегас написал трактат, стараясь выводить буквы очень мелко. Но и они оказались слишком велики для несовершенного человеческого зрения, и книгу никто не смог прочесть. Сам собой напрашивался вывод: люди еще не доросли до высоких истин, они не только не могут дойти до них своим умом, но и получить в готовом виде⁸.

«Мемноном», ищущим разума, молодой человек мог бы назвать и самого себя. Недаром в ответ юному аристократу М.В. Ломоносов написал стихотворное «Письмо г. В...»^[37], в котором призывал племянника вице-канцлера:

*Время провождать в приятнейших трудах
И славу приобрести во всех земных странах...
И облегчись принять приятнейшее бремя.
То требует твой род, то требует и время.
...*

Эти строки содержали прямой намек на уже намеченное путешествие молодого человека в Европу. Для России, наконец, настало время отложить бранный меч и посвятить себя наукам^[38]. Первыми на этом пути должны оказаться молодые аристократы, для которых в силу происхождения, были открыты все дороги. «То требует твой род»...

То же самое могла сказать о себе и Екатерина Романовна. Из библиотечных сокровищ, найденных у дяди, ее особенно увлекла книга Клода-Адриана Гельвеция «Об уме», вышедшая в 1758 г. и уже вскоре сожженная в Париже по приговору парламента. Рассуждения автора о равенстве умственных способностей людей, независимо от происхождения, показались властям слишком смелыми. Сам собой напрашивался вывод, что управлять народом может любой достаточно умный человек. Пожилая княгиня отозвалась о книге с осторожностью: «Я пришла к заключению, что... она могла бы нарушить гармонию и порвать цепь, связующие все столь разнородные, составляющие государственность»^[39] начала. Но в юности наша героиня была от Гельвеция в восторге и даже взялась переводить его труд. Однако из-за плохого знания русского языка работу пришлось остановить.

Предположение, будто Екатерину Романовну подвело слабое знакомство с философской терминологией, не совсем верно. Подобная лексика еще только развивалась. Переводы стали тем полем, на котором опробовались и укреплялись новые понятия. Русский язык учился выра-

⁸ А.Р. Воронцов опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» за 1756 г. еще несколько переводов анонимных французских авторов: «Рассуждение о приятностях сообщества», «Разговор между Рассуждением и Воображением», «Содержание письма другу в ответ, может ли честь сравниться со славою». Все они были подписаны полной фамилией или инициалами «А.В.».

жать мысли, которые прежде не обсуждались на нем. В 1762 г. новый император Петр III направит в Сенат кодекс Фридриха II, приказав руководствоваться им при решении дел. Однако переводчики не смогут как следует передать мысли прусского короля из-за бедности русской юридической терминологии^[40]. Понадобятся три с лишним десятилетия развития отечественной законодательной культуры при Екатерине II, чтобы соответствующий словарь вошел в употребление. То же самое происходило и в других областях знания. Много позже, занимаясь «Словарем Академии Российской», Дашкова взвалит на свои плечи работу по поиску в родном языке подходящих понятий. А пока ей просто не хватало слов.

Похожее чувство испытал и второй брат нашей героини – Семен. В 1760 г. он обнаружил в библиотеке К.Г. Разумовского одну из популярнейших книг эпохи «О духе законов» Шарля-Луи Монтескье. С восторгом Семен писал отцу: «Тут все натуральные права изъяснены. Эта книга всякого человека сделает просвещенным и обо всем генерально даст понятие. Как она ни велика, однако бы я ее перевел в Петербурге, ежели б был сильнее в русском»^[41]. Младшие Воронцовы упирались в одну и ту же проблему – хорошее знание родного языка. А старший имел все основания благодарить отца и дядю за образование, полученное дома.

Обратим внимание на разные показания сестры и брата Воронцовых. Александр хвалил свое воспитание именно за уроки родного языка. Екатерина была вынуждена учиться сама. Старшему отпрыску Роман Илларионович выписал гувернантку из Берлина. На дочь – внимания не обращал. Михаил Илларионович, которому Дашкова не хотела признать себя обаязанной, под пером племянника превращается в доброго ангела-хранителя: «Мой дядя очень интересовался мною, и всем, что касалось моего образования, и я могу сказать, что в этом отношении он был для меня настоящий отец»^[42].

А ведь речь об одной и той же семье. Неужели кому-то из детей доставался пирог, а кому-то крошки со стола? Не верится, если учесть, что вице-канцлер растил и учил племянницу вместе с дочерью. С неподдельной досадой, как пушкинская Лиза жемчуг, будущая княгиня упоминала «платья из одного куска материи», которые шились для нее и кузины и которые должны были сделать их одинаковыми. Не тут-то было: «трудно отыскать натуры более разные». Не помогли ни «общие комнаты», ни «одни и те же учителя». Не походить на Анну, вероятно, значило для кузины утвердить собственную личность. Она не желала превращаться в «низкую служанку», хотя в течение всей жизни у нее будут находить много черт «несносной причудницы».

Кроме того, Анна Михайловна рано попала ко двору, а Екатерина осталась в доме дяди пополнять образование беседами с чужеземцами: «Иностранные артисты, литераторы и министры... должны были платить дань моей безжалостной любознательности. Я расспрашивала их об их странах, законах, образах правления; я сравнивала их страны с моей собственной, и во мне пробудилось горячее желание путешествовать»^[43]. Благодаря рассказам гостей вице-канцлера, на необычную девушку обратил внимание фаворит императрицы Иван Иванович Шувалов. «Любовник Елизаветы, желавший прослыть за мецената... узнав, что я страстно люблю читать книги, предложил мне пользоваться всеми литературными новостями, которые постоянно высылались ему из Франции»^[44].

А что же родные? Современные исследователи пришли к любопытному заключению: до событий 1762 г. отношение Дашковой к отцу и дяде носило «почтительно-благожелательный», но «односторонний» характер. Т. е. девушка писала письма, называла себя «покорной и послушной дочерью», а ей почти не отвечали. Она задавалась вопросом: «Не подала ли я невинно Вам причину на меня гневаться?» – и просила «незнаему мою вину отпустить»^[45]. А вот после переворота имя Екатерины Романовны замелькало в письмах родных: с досадой и нескрываемым упреком княгине пеняли, что она мало помогает семье. Неужели для того, чтобы нашу героиню заметили близкие, ей надо было ввязаться в государственный заговор?

Описывая в мемуарах внимание иностранцев и фаворита императрицы, Дашкова как бы компенсировала равнодушные родни. Единственным человеком, который мог бы скрасить одиночество сестры и разделить ее интеллектуальные интересы, был в тот момент старший брат. Его вдумчивый спокойный характер уравновешивал горячий темперамент Екатерины Романовны. «Нежность, которую я питала к моему брату... побуждала меня писать ему часто и аккуратно... раз в две недели... Этой переписке я обязана сжатым и образным слогом». В скромности княгиню не упрекнешь, но сейчас для нас важно отметить, что она отправляла в Версаль целые «дневники». Бедные внешними событиями, они многое говорили о развитии ума и души девушки. «Политика с самых ранних лет особенно интересовала меня»^[46], – признавалась она.

У вице-канцлера хранились старинные дипломатические документы, которые он разрешил племяннице просматривать. Пожилая Дашкова рассказывала Марте Уилмот, что в детстве любила рыться в этих бумагах^[47]. Среди них имелись любопытные материалы, касавшиеся Китая и Персии, было немало сведений о польских делах, о взаимоотношениях с Крымом и Турцией. Документы относились ко временам Петра I и Анны Иоанновны, то есть при внимательном анализе и сопоставлении с современным положением дел могли показать русскую внешнюю политику в развитии. Привыкая обдумывать прочитанное, Екатерина Романовна неизбежно подставляла себя на место того, кому предстоит решать важные вопросы. И, в конечном счете – судьбу страны.

Осторожностью мадемуазель Воронцова не отличалась и очень рано обнаружила перед посторонними плоды своих размышлений. Рюльер писал про дом вице-канцлера: «Она видела тут всех иностранных министров, но с 15 лет желала разговаривать только с республиканскими. Она явно роптала против русского деспотизма и изъявляла желание жить в Голландии, в которой хвалила гражданскую свободу и терпимость вероисповедания»^[48]. Страсть Дашковой к парламентаризму уже после переворота подтверждал английский посол граф Джон Бекингемшир, приводя ее слова: «Почему моя дурная судьба поместила меня в эту огромную тюрьму? ...Почему я не рождена англичанкой? Я обожаю свободу и пылкость этой нации»^[49].

«Завишу душой и телом»

Слово недалеко отстояло у нашей героини от дела. Недаром позднее в одной из пьес она выведет себя под именем госпожи Решимовой. Действительно, Екатерина Романовна быстро принимала решения и бралась за их исполнение с энтузиазмом, который у более холодных натур вызывал усмешку. Однако сама княгиня, как замечала Кэтрин Уилмот, была лишена чувства юмора и предавала забавным мелочам серьезное значение. Если нельзя сейчас преобразить Россию из «большой тюрьмы» в республику или хотя бы переродиться англичанкой, то можно отказаться от некоторых неприятных обычаев старины и перенять «свободу» британцев от белил и румян.

«В стране, где... женщина не подойдет без румян под окно просить милостыню... 15-летняя девица Воронцова отказалась навсегда повиноваться сему обычаю», – с восхищением писал Рюльер. Это было ново и обращало на Екатерину Романовну недоуменное внимание кавалеров. А среди них мог найтись и суженый. «Однажды, когда князь Дашков... забавлял ее разговором в лестных на своем языке выражениях, она подозвала великого канцлера со словами: “Дядюшка! Князь Дашков мне делает честь своим предложением и просит моей руки”. Собственно говоря, это была правда, и молодой человек, не смея открыть первому в государстве человеку, что сделанное им его племяннице предложение не совсем было такое, на ней женился»^[50].

Конечно, приведенный Рюльером рассказ – сплетня, которую дипломат подобрал на придворном паркетe. Сама Екатерина Романовна описала знакомство с мужем иначе: «Мой дядя, его жена и дочь жили с императрицей в Петергофе и Царском Селе; легкое нездоровье и любовь к чтению и покойной жизни задержали меня в городе». Однажды Екатерина Романовна отправилась навестить заболевшую приятельницу, а домой возвращалась пешком в обществе ее сестры. «Не успели мы пройти нескольких шагов, как из боковой улицы вышел нам навстречу человек, показавшийся мне великаном». Это и был молодой князь Дашков. «Будучи знаком с Самариной, он вступил с ней в разговор и пошел рядом с нами, изредка обращаясь ко мне с какой-то застенчивой учтивостью, чрезвычайно понравившейся мне».

Дело относилось к июлю 1758 г. Рассказывая о тех давних событиях Марте Уилмот, Дашкова не могла признать, что не поехала в загородную резиденцию, поскольку не служила при дворе. Иначе пришлось бы обозначить дистанцию между собой и августейшими особами. Отсюда ссылка на «легкое нездоровье», «любовь к чтению и покойной жизни». Правда же состояла в том, что девушка осталась в столице практически одна. Вот тут-то и завязался роман.

И не с кем-нибудь. А с Михаилом Ивановичем Дашковым, которого в семье Воронцовых «не принимали, и имя его никогда не произносилось». Причина такого отношения крылась в волокитстве князя. «До женитьбы он был чрезвычайно близок с двумя старшими сестрами своей жены»^[51], – доносил позднее Бекингемшир. Имелись в виду родная сестра Мария Романовна (в замужестве Бутурлина) и кузина Анна Михайловна (в замужестве Строганова). Сама Дашкова говорит только об одной родственнице.

Кроме первой, княгиня не опишет ни одной встречи с женихом. Но они происходили, судя по тому, что влюбленные сладили необычайно быстро – уже к 20-м числам жених попросил руки. Сама Дашкова считала свой брак «Божьим промыслом», которого «нельзя избежать».

«Если бы я слышала когда-нибудь его имя в доме моего дяди, куда он не имел доступа, – писала она о будущем муже, – мне пришлось бы непременно услышать и неблагоприятные для него отзывы, и узнать подробности одной интриги, которая разрушила бы всякие помыслы о браке с ним... Его связь с очень близкой моей родственницей, которую я не могу назвать, и его виновность перед ней должны были отнять у него всякую мысль, всякое желание и всякую

надежду на соединение со мной... Казалось, брак между нами не мог бы никогда состояться; но... не было той силы, которая могла бы помешать нам отдать друг другу наши сердца»^[52].

Дядя и отец находились в загородной резиденции, куда нельзя было попасть без приглашения государыни. Михаилу Дашкову пришлось просить руки девицы Воронцовой через своего друга князя Голицына «в первый же раз как он будет в Петергофе».

Влюбленные не без трепета ждали решения. Первый, с кем наша героиня поделилась тревогами, был брат Александр. 20 июля она писала ему: «Через три недели, самое позднее через месяц, я дам тебе знать, получила ли я разрешение (а может быть – отказ) на мой предстоящий брак от моих родных (их нет в городе, поэтому они еще ничего не знают), а я от них завишу душой и телом»^[53].

Князю Дашкову вполне могли отказать. Молодой красавец успел поухаживать за Анной Михайловной. В доме обсуждали подробности «некоего романа». Но дочь вице-канцлера к этому времени уже отправилась с супругом в дипломатический вояж в Вену. Ничто не мешало родным позаботиться о младшей из девиц. «Наша семья не поставила никаких препятствий нашему браку», – с облегчением заключала Екатерина Романовна.

Себя она называла «безумно влюбленной». О женихе писала, что тот «может найти счастье только в браке со мной». Но что думал сам молодой человек? Внешность невесты не должна была его шокировать. Благодаря поздним описаниям, Екатерину Романовну часто представляют непривлекательной и даже мужеподобной. Для юных лет это неверно. Екатерина II считала Дашкову более красивой, чем сестра, и особенно подчеркивала ее «большие голубые глаза»^[54].

Князь повел себя настойчиво. Он был на семь лет старше нашей героини, обладал легким, веселым нравом, служил штабс-капитаном в Преображенском полку, к нему тянулись товарищи. Однако, являясь наследником крупного состояния, Михаил Иванович истощил кошелёк столичной жизнью. А потому вопрос о приданом не мог считаться второстепенным. «Меня выдали замуж в пятнадцать лет за высоконравственного человека и примерного сына, – настаивала наша героиня, – чья врожденная щедрость, а не обычно свойственная юности расточительность, привели к расстройству его наследства. Чтобы не огорчать мать, он скрывал это от нее, почему я была вынуждена отказывать себе во всех удовольствиях, в том числе в покупке новых книг»^[55]. Значит, сразу после свадьбы молодые стали жить на деньги жены.

Сравнительно с сестрой и кузиной Екатерина Романовна получила меньше богатств. Возможно, согласие князя Дашкова на скромное приданое и объясняло тот факт, что семья Воронцовых «не поставила» ему «никаких препятствий». Однако молодым пришлось сильно подождать – до февраля следующего, 1759 года. В «Записках» причиной отсрочки названа болезнь тетушки Анны Карловны. Исследователи объясняют задержку финансовой ямой, в которой очутился вице-канцлер.

150 тысяч, полученные от Версаля в качестве благодарности за помощь при заключении русско-французского союза 1756 г., давно истаяли^[56]. Несметно богатый Воронцов постоянно жаловался на бедность. Его челобитные императрице – стон погибающего от долгов бедняка, отмечал Е.В. Анисимов. Обращаясь к фавориту Шувалову, Михаил Илларионович постоянно просил денежных ссуд и земельных пожалований. Он добился монополии на вывоз за границу льняного семени. Вместе с братом Романом получил богатые медеплавильные заводы в Приуралье^[57]. В 1756 г. вытребовал у Сената исключительное право вывезти в Европу в течение пяти лет 300 тыс. четвертей хлеба^[58]. Ввиду надвигавшейся войны, когда все армии нуждались в продовольствии, а комиссионерами выступили «нейтральные» шведские купцы, выгодность такой монополии трудно переоценить.

И все же, все же... Жалуясь Елизавете Петровне на бедность, вельможа писал: «Должность моя меня по-министерски, а не по-философски жить заставляет»^[59]. Запомним эти слова. Много лет наша героиня будет принуждена жить именно «по-философски», т. е. доволь-

ствуясь только необходимым, избегая роскоши. Ее дядя, напротив, вел себя, как ростовские купцы, которые нашивали на собольи шубы дерюжные заплаты, демонстрируя императрице свою нищету и прося денег, чтобы «расторговаться».

Брат вице-канцлера Роман Илларионович тоже не бедствовал. В 1753 г. он получил от Сената монополию на торговлю с Персией сроком на 30 лет. Через два года в своем шлиссельбургском селе Мурино открыл водочный завод, дававший из-за близости к столице особенно высокую прибыль. У Екатерины Романовны были все основания считать, что родня купается в золоте. Поэтому ее отзыв, будто отец не дал ей «и рубля»^[60], эмоционально понятен.

Исследователи давно отметили, что это обыкновенное для Екатерины Романовны преувеличение. 12 февраля 1759 г. Роман Илларионович подписал «сговорную», согласно которой вручал дочери приданое на 12 917 рублей и еще 10 тыс. рублей на покупку деревень^[61]. Последнюю цифру отчего-то принято забывать, указывая только первую^[62]. Между тем поместье в те времена можно было купить за сумму от тысячи до десяти тыс. рублей, а дом в Москве – за три.

При сравнении с приданным Марии Романовны, которое оценивалось в 30 тысяч, приданое младшей сестры действительно выглядело небогато. Однако если вспомнить, что фрейлина Мария получила 11,5 тыс. рублей от государыни, окажется, что Роман Илларионович дал обеим дочерям примерно равную сумму – более 20 тысяч каждой. Старшую сестру выделило придворное положение, а не щедрость отца. И вот тут возникает новая любопытная ситуация, умело нарисованная в «Записках» нашей героини.

Екатерина Романовна поместила трогательную сцену, в которой императрица, решив отужинать после итальянской оперы у канцлера, обнаружила в его доме молодых и благословила их. Она, «как настоящая крестная мать, вызвав нас в соседнюю комнату, объявила, что знает нашу тайну... пожелала нам счастья, уверяя нас, что будет всегда принимать участие в нашей судьбе... Доброта и очаровательная нежность, которыми ее величество нас осчастливила, до того умилили меня, что мое волнение стало очевидным... Императрица ласково потрепала меня по плечу и сказала:

– Успокойтесь, дитя мое; а то, пожалуй, подумают, что я вас бранила».

Эту сцену можно правильно понять, только зная перипетии с приданным. Вместо денежного пожалования, как сестра, Екатерина Романовна получила «материнское благословение» государыни. Поскольку о первом в мемуарах не сказано, то второе выглядит очень весомо. На самом же деле приходилось сожалеть, что к добрым словам Елизавета не прибавила «и рубля».

«Мы много потеряли»

Видимо, Роман Илларионович все-таки считал младшую дочь обойденной, поскольку уже после ее возвращения из Москвы, в 1762 г., предложил молодым, вместо себя, получить земли под Петербургом, которые раздавал приближенным Петр III – «сплошные болота и густые леса». «Мой отец пожелал, чтобы я его взяла, – писала об участке в Кирианово наша героиня. – Тщетно я объясняла ему, что не могу им заняться, так как денег у меня вовсе не было; он настоял на своем и обещал мне выстроить маленький деревянный домик... В то время в Петербурге проживало около сотни крепостных моего мужа, которые каждый год приходили на заработки; из преданности и благодарности за свое благосостояние они предложили мне, что поработают четыре дня, чтобы выкопать канавы, и затем будут в праздничные дни поочередно продолжать работы... Вскоре более высокая часть земли обсушилась и была готова под постройку дома».

Оценим хозяйственную хватку молодой княгини. Крестьяне находились в столице, зарабатывая деньги на оброк барину, после которого кое-что оставалось и им самим. Дашкова нигде не говорит, что за осушение болотистых земель мужикам скостили выплаты. Напротив, они копали канавы «из благодарности», т. е. даром. Далее Екатерина Романовна упомянула, что ездила в имение «через день», стало быть, четырьмя днями и праздниками дело для крепостных не обошлось. Так, летом 1762 г. холопы ее мужа оказались одновременно и на барщине, и на оброке, да еще и «предложили» хозяйке такой график сами... Нужно было уметь договориться с ними, и сделал это явно не щедрый Михаил Иванович.

Тем временем Екатерина Романовна отнюдь не роскошествовала: «Я... твердо решилась не предпринимать ничего, что могло бы стеснить моего мужа в денежном отношении; кроме расходов на скромный стол для меня, моей дочери и для прислуги, я ничего не тратила, так как носила еще платья моего приданого»^[63]. Такой подход будет характерен для Дашковой в течение всей жизни. Он объяснялся не только стесненными материальными обстоятельствами, но и убеждениями княгини. «Умеренность и бережливость заслуживают похвалу, а не пересмешку, – отмечала она в записной книжке в 1791 г. – Честнее и добродетельнее жить малым и проживать только свое, нежели жить роскошно и проживать чужое»^[64]. Через четыре года она выскажется резче: «Всякое излишество есть грех»^[65]. Но у каждой добродетели имеется оборотная сторона. В беседе со своим статс-секретарем А.В. Храповицким Екатерина II назовет подругу «скупягой» и поставит той в вину, что она поместила деньги в ломбард^[66], т. е. ссужала под проценты. Однако именно умение хозяйствовать (и не в последнюю очередь заставлять крепостных работать) поможет княгине со временем нажить состояние. «Я в продолжение двадцати лет управляла поместьями своих детей, – напишет она, – и могу с гордостью предъявить доказательства, что за этот период крестьяне стали трудолюбивее, богаче и счастливее»^[67].

С подобными убеждениями Дашкова может показаться белой вороной среди расточительного дворянства века Просвещения. Но чем легкомысленнее вели себя одни, тем старательнее другие противопоставляли новой, занесенной из Франции, морали мотовства старинные дедовские добродетели. Бережливость, рачительность, отказ от роскоши были не последними среди нравственных идеалов, которые отстаивали князь М.М. Щербатов, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков. В ряду этих ярких публицистов княгиня со временем займет почетное место.

Сравним ее рассуждения со словами Щербатова, искавшего идеал в допетровской Руси: «Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели весьма простую... Почти всякий по состоянию своему без нужды мог своими доходами проживать и иметь все нужное». Однако после реформ Петра вкралась «роскошь», «начали люди наиболее привязываться к государю

и к вельможам, яко ко источнику богатства и награждений... стали не роды почтенны, а чины, и заслуги, и выслуги»^[68].

Последнее обличение напрямую касалось таких семейств, как Воронцовы, и молодая княгиня приняла бы его с горячим негодованием. Дело в том, что противостояние между родовой и служилой знатью – скрытое, но от этого не менее упорное – не утихло в течение всего XVIII столетия. Объединив вотчину и поместье, Петр Великий убрал сословную перегородку внутри дворянства. Но живейшая память о ней оставалась. Рубец не зажил даже в следующем веке. А.С. Пушкин в уже упомянутом «Романе в письмах» скажет: «Аристокрация чин[овная] не заменит аристократии родовой».

Древние фамилии, владевшие некогда собственными княжествами, чувствовали себя униженными, когда их ставили в равное положение с теми, кто приобрел знатность и богатство, служа государю и получая от него землю на правах держания. Екатерина Романовна вышла замуж за отпрыска одного из таких исконных родов. Дашковы вели свое происхождение от Рюрика и князей Смоленских. Мать молодого князя Анастасия Михайловна, урожденная Леонтьева, приходилась двоюродной племянницей Наталье Кирилловне Нарышкиной, матери Петра I. Таким образом, и новая родня имела кровные узы с августейшей фамилией. Впоследствии Екатерина Романовна предавала большое значение древности семьи, в которую вошла, и высоте приобретенного титула. Уже знакомый нам Александр Уэддерберн писал Уильяму Робертсону: «У нее есть некоторая доля тщеславия», касающаяся «ее общественного положения. Внимание к ее положению уместно и необходимо... Я считал бы разумным соблюдать соответствующую церемонию», связанную со словом «княгиня», это обеспечит «дружбу», при которой необходима «некоторая дистанция»^[69].

Попав в Москву, Екатерина Романовна не просто чувствовала себя «чужестранкой», она представляла петербургскую знать, ту самую, которая «привязалась к государю... яко ко источнику богатства и награждений». Абсолютно недостаточно подчеркивать, что наша героиня происходила из знатного рода, и ее суженный *тоже* был знатен. Молодые оказались знатны *по-разному*, их союз знаменовал соединение старой и новой аристократии.

Нетрудно узнать образ жизни дяди Екатерины Романовны в описании Щербатова: «Единые, от монаршей щедроты получая многое, могли много прожить»^[70]. Дом вице-канцлера на Фонтанке был выстроен Бартоломео Растрелли. По признанию племянницы, он «представлял из себя действительно княжеский дворец в самом изысканном европейском вкусе»^[71]. После заключения союза с Францией его обставили мебелью, подаренной Людовиком XV. Не сочувствовавшая этому альянсу Екатерина II злословила, что король прислал Воронцову стулья и диваны, которые надоели мадам Помпадур.

Такие разговоры не смущали суетную петербургскую родню нашей героини. Но сама она уже стояла на пороге нового мира, за которым обличения, подобные Щербатовским, перестанут ее задевать. Напротив, встретят в сердце образованной княгини горячий отклик. Еще недавно, читая Гельвеция, ставившего в упрек Петру I сохранение деспотизма, мадемуазель Воронцова напишет на полях: «Он сделал больше того, что позволяло ему время»^[72]. Однако в Москве ее рассуждения о царе-реформаторе примут иной характер. После одного из посещений Страстного монастыря она скажет: «Мы не только не выиграли, но много потеряли в изменении старинных нравов, кои основывались на правилах Закона (имелся в виду закон религиозный. – О.Е.), на любви к Отечеству и на собственном к себе почитании, как народ сильный, храбрый и отличающий себя от других нравственностью и многими добродетелями»^[73].

Именно так воспринимали допетровскую Россию многие интеллектуалы второй половины XVIII в. Попав в Первопрестольную, умной «чужестранке» предстояло обрести Отечество, располагавшееся не только на карте, но и во времени. Золотой век, «земля Офирская» окажутся в прошлом.

«Новый мир»

В начале мая молодые отбыли в Москву⁹. «Передо мной открылся новый мир, новая жизнь, которая меня пугала, тем более что она ничем не походила на все то, к чему я привыкла», – вспоминала Дашкова. Через два года, вернувшись в столицу, она испытает род облегчения: «Я была рада... очутиться в прежней обстановке, с детства мне знакомой и столь различной от склада московской жизни, когда я часто становилась в тупик перед некоторыми обычаями, с которыми мне приходилось сталкиваться во многих домах: все так отличалось от того, как делалось в доме моего дяди»^[74].

Прежде всего, отличался сам дом. В 1743 г. мать князя Анастасия Михайловна Дашкова купила на Большой Никитской улице «каменные палаты о двух жильях... с дворовым местом и со всяким деревянным хоромным строением». Через десять лет Дашковы решили расширить владения и прикупили на имя Михаила Ивановича участок земли рядом с двором матери. «Улицы» в петербургском понимании наша героиня не увидела. Напротив дома свекрови на целый квартал тянулась глухая стена Никитского женского монастыря, а само жилище напоминало усадьбу, привольно раскинувшуюся в Белом городе.

Здесь было по-своему богато, но крайне непривычно – ни кабинета, ни библиотеки. Вставали рано, ложились засветло, свято блюли посты и церковные праздники. Вся жизнь проходила на виду, ни малейшей возможности уединиться – вероятно, обитатели Большой Никитской еще не испытывали в этом потребности. А вот молодым, «развращенным» европейскими нравами столицы, пришлось тяжело. «Более двух лет я провела в доме свекрови, – писала Дашкова в 1782 г. Екатерине II, – суеверной и властной женщины, которая заставляла нас целые дни проводить в ее комнатах, слушая молитвы. Я даже не могла удалиться к себе, чтобы насладиться чтением, без того, чтобы она не обвинила меня в том, что увожу своего мужа и тем лишаю ее общества сына»^[75].

О двух годах, речь, конечно, не шла. Мая хватило. Уже в июне молодые уехали осматривать имения, а, вернувшись на зиму в Москву, поселились в собственном доме, который Михаил Иванович сразу после свадьбы начал строить на купленном участке. Перед нами обычная для дашковского стиля гипербола. Однако ощущения от житья со свекровью переданы ярко, внутреннее раздражение не ушло и через двадцать лет.

Старая княгиня мечтала, чтобы сын женился, «так как он был последний князь Дашков», и даже приискала ему невесту – одну из девиц Бутурлиных – «москвичку», а не «чужестранку». Но Михаил Иванович сделал свой выбор, и мать с ним согласилась. В декабре 1759 г. молодую чету в Москве посетил 15-летний Семен Воронцов, писавший отцу, что «с великой радостью видел, как она (свекровь. – О.Е.) – сестру Екатерину Романовну любит»^[76]. Однако тогда же выросший в Петербурге юноша отмечал, что ему в Первопрестольной «невольно и скучно». Сходные чувства должна была испытывать и наша героиня. На глазах у «стариков и старушек», под перелистывание Часослова, она изнывала и рвалась «удалиться к себе» и «насладиться чтением».

Отъезд за 100 верст от Москвы в имение Троицкое в Серпуховском уезде сильно скрасил Екатерине Романовне жизнь. Наконец, она осталась наедине с мужем. В пьесе «Тоисиоков» госпожа Решимова рассказывает о себе: «Как мы чрезмерно друг друга любили, вздумали,

⁹ Говоря о роли Москвы в жизни Е.Р. Дашковой, нельзя обойти молчанием книгу Г.А. Веселой и Е.Н. Фирсовой (Москва в судьбе княгини Дашковой. М., 2002), снабженную трогательными иллюстрациями последней. Текст проникнут искренней любовью к героине повествования и изобилует множеством интересных деталей, касающихся не только биографии княгини, но и особенностей московского быта того времени. К сожалению, некоторые события, описанные в книге, приурочены не к тому времени, когда происходили. Авторы стремятся следовать «Запискам», дополняя их другими источниками. Там, где последние вступают в противоречие с мемуарами, видна тенденция к сглаживанию материала.

что городское пребывание суетно и препятствует к наслаждению взаимной ношей горячности, поехали в деревню: там, дескать, мы одни будем и беспрепятственно станем друг другом утешаться. Первые пять-шесть дней хорошо шло, друг другу вселенную заменяли; но скоро после заметила, что он, свет, зевает... Не поехать ли в город? – сказала я. Он тотчас согласился»^[77]. Это почти автобиографическая зарисовка.

В конце октября супруги вернулись в Москву, где для них поднялся двухэтажный особняк на углу Большой Никитской – дом в новом, европейском стиле, с кабинетом, библиотекой, гостиной, мебелью под заказ и клавесином для хозяйки. Хотя под боком у свекрови, но свое гнездо. Именно для того, чтобы свить его, нашей героине пришлось «отказывать себе во всех удовольствиях, в том числе и в покупке новых книг». Без приданого жены Михаил Иванович вряд ли справился бы со строительством. На время пришлось подтянуть пояса, зато супруги почти с самого начала зажили *рядом*, а не *вместе* с матерью мужа.

21 февраля 1760 г. Екатерина Романовна родила дочь Анастасию, окрещенную в честь старой княгини. В мае семья вновь уехала в Троицкое, куда пришлось взять с собой и свекровь. Но «в обществе моего клавесина и моей библиотеки время для меня быстро летит», – вспоминала Дашкова. Затем молодые отбыли под Орел в Птицыно. Отпуск Михаила Ивановича истекал. В письме Роману Илларионовичу чета Дашковых просила выхлопотать для Михаила еще пять месяцев отсрочки, но тут в дело вмешалась политика. Вернее, придворный *politic*.

Императрица Елизавета много болела. Семья Воронцовых вместе с некоторыми другими вельможами сделала ставку на наследника Петра Федоровича. Отец нашей героини хотел, чтобы молодой князь Дашков тоже сблизился с царевичем. Случай казался удобным. Петр носил чин подполковника Преображенского полка, где Михаил Иванович служил штабс-капитаном. Формально испрашивать продления отпуска следовало у великого князя, и Роман Илларионович настоял, чтобы зять сам приехал в Петербург. Это была беспроектная комбинация. Одной рукой Воронцов придвигал к Петру очередного родича, а другой демонстрировал царевичу силу и обширность клана. В условиях, когда гвардия играла ключевую роль при возведении монарха на престол, штабс-капитан лучшего из полков – желанная фигура для окружения претендента.

Надо отдать Петру Федоровичу должное, он прекрасно разобрался в ситуации и заявил, что разрешит отпуск только после двухнедельного пребывания князя в Петербурге. Это было необходимо для личного знакомства. Видимо, Михаил Иванович понравился, потому что его пригласили кататься в санях в Ораниенбауме. Старый учитель великого князя Якоб Штелин, теперь исполнявший у него должность библиотекаря, описал эту поездку: 10 января «...катанье в 12 маленьких салазках... Частые падения в снег». На следующий день разыгралась вьюга со шквальным ветром, что не помешало параду. 15-го «Утро на охоте за лесными пулярами... Вечером... двор, великий князь и я отправились на новую ферму... отпраздновать новоселье прекрасным ужином и большим фейерверком в саду»^[78].

Ферма с фейерверками – это Сан Эннюи (Sans Ennuï) – дача Елизаветы Воронцовой. Как родственник Михаил Иванович должен был побывать и там. Что бы он ни думал о положении зловки, приходилось терпеть и угождать великому князю. «Частые падения в снег» и «шквальный ветер» не прошли даром. «Он простудился и схватил ангину», – вспоминала Дашкова.

Сама княгиня тоже захворала в разлуке: «Я была так огорчена, что у меня сделался жар, который скорее гнезился в моих нервах и моем мозгу, чем в крови». Обратим внимание на эти слова. Впоследствии Екатерина Романовна будет часто болеть именно от психических потрясений.

Дорогой в Москву князь выходил из кареты, «только чтобы промочить горло чаем». Он знал, что у жены вот-вот начнутся роды, и не поехал прямо домой, а предпочел свернуть к тетке А.М. Новосильцевой – благо родня жила через улицу. 1 февраля, когда Екатерина Романовна

уже почувствовала схватки, ее горничная, «которая была моих лет и очень легкомысленна», решила ободрить госпожу радостной вестью. Барин в городе! Молодая женщина испустила крик ужаса, вообразив, будто муж ранен и поэтому не едет домой. «Надо себе представить семнадцатилетнюю безумно влюбленную женщину, с горячей головой, которая не понимала другого счастья, как любить и быть любимой».

Молодой княгине удалось отослать от себя свекровь и вместе с акушеркой пешком отправиться к мужу. Увидев бледного Михаила Ивановича, женщина упала в обморок. «Впоследствии муж приводил меня в ужас рассказом о моем появлении у его постели... Узнав, что роды уже начались, он пришел в ужас и хотел выскочить из постели; моя тетка бегала по комнате, ломая себе руки». Обоих едва удалось унять. Екатерину Романовну в санях отвезли домой. Через час она родила сына, названного в честь отца – Михаилом.

Есть сведения, что в Москве между молодыми не все было гладко, именно поэтому князь предпочел остановиться у тетки, а не ехать прямо домой^[79]. В «Записках», где герои идеальны, такой информации не место. Но на страницах пьесы, главную героиню которой Дашкова наделила не только своим характером, но и своей биографией, след недовольства остался: «Ну-с, приехали мы в город; и чтобы не подвергнуться той же скуке, стали разъезжать он в сторону, а я в другую. Поутру в лавках, да на гулянье, потом спешу одеться, чтобы обедать в гостях, после в комедию, оттуда на бал; с утренней зарей домой возвратимся так измучены, так устанем... а веселья и удовольствия нисколько не находили... Тут я спохватилась»^[80].

Описанная в мемуарах сцена могла быть взрывом, после которого последовало нежное примирение. Поправлялись молодые в доме у свекрови, лежа в разных комнатах и обмениваясь ласковыми записочками. «Я хотела быть его кормилицей и ежеминутно, собственным своим глазом сторожить за постепенным его выздоровлением... Сорок грустных лет прошло после его потери... и ни за какие блага мира я не желала бы опустить воспоминание о самом мелочном обстоятельстве из лучших дней моей жизни».

Подходило к концу московское заточение. У Екатерины Романовны оставалось еще три года семейного счастья, но внешние события вскоре начали развиваться с такой стремительностью, что наша героиня едва успевала поворачивать голову. Через несколько месяцев московский мирок разомкнет руки, и Дашкова вернется в город детства – город одиночества и потерь.

Глава 2. Подруга

«Я была рада повидаться с родными и очутиться в прежней обстановке», – вспоминала Дашкова. Миг приезда в столицу показался ей «сладостным и счастливым», а Петербург, по сравнению со старушкой Москвой – «великолепным». Она не могла оторваться от окна, насмотреться на стройные здания вдоль каналов, пыталась разглядеть на улице кого-нибудь из знакомых. «Я была как в лихорадке», и едва обосновавшись на месте, побежала наносить визиты дяде и отцу. «Но ни того, ни другого не оказалось дома».

Знаменательный момент. Екатерина Романовна спешит к родным и... ее раскрытые объятия вновь оказываются пустыми. Спустя почти месяц, 15 июля, тетка нашей героини Анна Карловна напишет дочери в Вену: «Княгиня Катерина Романовна с Москвы приехала и очень худа стала; и дочь с собой привезла»^[81]. А мужа? Создается впечатление, будто Дашкова вернулась одна. Упомянуть бывшего поклонника в письме Анне Михайловне Строгановой мать не стала. А вот то, что кузина-счастливица похудела (значит, по понятиям того времени, подурнела) сочла уместной и даже утешительной вестью.

Опять, как в детстве, Екатерина Романовна могла упрекнуть родных в равнодушии. Но было еще одно лицо, свидание с которым обещало принести нашей героине радость. Карета князя и княгини Дашковых въехала в Петербург 28 июня, ровно за год до переворота, возведшего на престол Екатерину II. В тот момент еще ничто не предвещало грядущих событий. Императрица Елизавета была жива, цесаревич Петр Федорович уверенно чувствовал себя в роли наследника, заручившись поддержкой двух влиятельных придворных кланов – Шуваловых и Воронцовых. Его супруга Екатерина Алексеевна вела уединенный образ жизни. Она уже задумывалась о власти, но час пока не пробил.

Племянница вице-канцлера познакомилась с великой княгиней два года назад. В январе 1759-го. Тогда в жизни Екатерины Романовны завязывались два узелка на счастье – ее сердце раскрылось навстречу жениху, а ум – навстречу новой подруге.

«В ту же зиму великий князь, впоследствии император Петр III, и великая княгиня, справедливо названная Екатериной Великой, приехали к нам провести вечер и поужинать, – вспоминала Дашкова. – Иностранцы обрисовали меня ей с большим пристрастием; она была убеждена, что я все свое время посвящаю чтению и занятиям... Мы почувствовали взаимное влечение друг к другу... Великая княгиня осыпала меня своими милостями и пленяла меня своим разговором... Этот длинный вечер, в течение которого она говорила почти исключительно со мной, промелькнул для меня как одна минута»^[82].

Самой мемуаристке казалось, что такое внимание объясняется исключительно заинтересованностью гостыи в диалоге с умной собеседницей. Однако была и другая сторона монеты. Только что прогремел заговор канцлера А.П. Бестужева-Рюмина – самого сильного сторонника великой княгини. Шла Семилетняя война с Пруссией. Противник берлинского двора, Бестужев желал отстранить от наследования престола Петра Федоровича, страстного поклонника Фридриха II, и передать корону его несовершеннолетнему сыну Павлу при регентстве матери – Екатерины. Конечно, главную роль – реального правителя государства за спиной у регентши-иностранки Бестужев отводил себе.

Но заговор был раскрыт. Следствие тянулось больше года, 9 января прошел последний допрос, вскоре Бестужев был разжалован и сослан в деревню. Великая княгиня в один миг оказалась без союзников и покровителей. Сама Екатерина не пострадала только потому, что успела вовремя сжечь компрометирующие документы.

Приезд великокняжеской четы в дом нового канцлера Михаила Воронцова – сторонника Петра Федоровича – знаменовал собой внешнее примирение, произошедшее между супругами по требованию императрицы. Екатерине было позволено появляться в свете, но только у при-

ятных Елизавете Петровне людей. Приехав к Воронцовым и оказавшись в окружении враждебного клана, великая княгиня чувствовала себя неуютно, с ней почти никто не говорил, и она – чтобы не потерять лицо – вынуждена целый вечер поддерживать бесконечный диалог с младшей племянницей канцлера. К счастью для царевны, ее собеседница обнаружила глубокий ум и начитанность. Обеим не было скучно, и Екатерина приложила все усилия, чтобы удержать возле себя ничего не подозревавшую девочку.

В час встречи Екатерины со своей будущей подругой царевна находилась в точке абсолютного падения: ее надежды на регентство рухнули, влиятельные друзья арестованы – все надо было начинать сначала. Обаяние, ум, заинтересованность, любезность – вот оружие, которое Екатерина пустила в ход, чтобы завоевать себе сторонников. «Очарование, исходившее от нее, в особенности, когда она хотела привлечь к себе кого-нибудь, было слишком могущественно, чтобы подросток, которому не было и пятнадцати лет, мог ему противиться»,^[83] – писала Дашкова.

Подобное поведение скоро дало плоды. Первое восхождение заняло у великой княгини более десяти лет, второе – всего три года.

Sans ennui

Исследователи часто задаются вопросом: зачем молоденькая и восторженная девица Воронцова понадобилась 30-летней, далекой от наивности цесаревне? И обычно отвечают, что при подготовке переворота Екатерине не помешала бы природная русская княгиня, крестница императрицы, племянница нового канцлера^[84]. На наш взгляд, расчет был точнее. Великая княгиня обзавелась «своим человеком» во враждебном клане. Она уже содержала на жалованье фаворитку мужа Елизавету Романовну Воронцову. Но это не могло считаться надежной гарантией от происков «метрессы» Петра Федоровича. Любовница питала надежду стать законной супругой великого князя. Об их планах следовало знать из первых рук. Сестра претендентки подходила как нельзя лучше. Из мемуаров Дашковой видно, что Петр благоволил к ней, хотя и считал «маленькой дурочкой». В ее присутствии говорилось много такого, над чем полезно было подумать великой княгине.

Недаром, рассказывая о своем щекотливом положении после ареста Бестужева, Екатерина обронила: «Что касается великого князя, то я... знала только, что он ждет с нетерпением моей отсылки и что он наверное рассчитывает жениться вторым браком на Елизавете Воронцовой... Ее дядя, вице-канцлер граф Воронцов... узнал планы своего брата, может быть, вернее своих племянников, которые были тогда еще детьми»^[85]. Из этих строк следует: во-первых, что действиями фаворитки руководил отец Роман Илларионович Воронцов; во-вторых, что его брат был об этом осведомлен; в-третьих, что «племянники» – братья и сестры «Романовны» – если и знали, то по молодости лет немного. Стало быть, великая княгиня пыталась разведать, что им известно. А сделать это она могла только через юную тезку.

Уехав в Москву, Екатерина Романовна унесла самые отрадныя воспоминания о великой княгине: «Возвышенность ее мыслей, знания, которыми она обладала, запечатлели ее образ в моем сердце и в моем уме, снабдившем ее всеми атрибутами, присущими богато одаренной природой натуре». После возвращения Дашковых из Первопрестольной двум просвещенным дамам предстояло вновь встретиться. Это произошло в Ораниенбауме, куда должны были явиться все офицеры Преображенского полка с женами, чтобы представиться великокняжеской чете. Вскоре дружеские отношения Дашковой с цесаревной восстановились, что не слишком понравилось Петру Федоровичу. Видимо, он считал, что вся родня фаворитки как бы уже принадлежит ему, тем более что Екатерина Романовна была его крестной дочерью. Во время первого же посещения Ораниенбаума наследник сказал ей: «Если вы хотите здесь жить, вы должны приезжать каждый день, и я желаю, чтобы вы были больше со мной, чем с великой княгиней».

Принято обращать внимание на вторую часть этой фразы: Петр советовал Дашковым оставаться при нем и как можно меньше внимания уделять цесаревне. Но и первые слова великого князя любопытны. Разве он мог запретить молодым на время занять пустующую дачу Романа Воронцова? «Мой отец предложил нам поселиться в его доме, находившемся на полпути между Петергофом и Ораниенбаумом», – рассказывала Екатерина Романовна. Однако усадьба Романа Илларионовича располагалась у Царскосельской дороги, на берегу Фонтанки^[86]. А «между Петергофом и Ораниенбаумом», вернее, в пяти верстах западнее резиденции великого князя был выстроен очаровательный дворец Sans Ennui – Нескучное, – преподнесенный Петром Федоровичем фаворитке Елизавете Воронцовой^[87].

Уже после переворота, упрекая младшую сестру за невнимание к старшей, Александр Воронцов писал нашей героине из Лондона: «Вы обязаны своей сестре... множеством мелких услуг; она... предложила вам дом, ей тогда подаренный»^[88]. Если чета Дашковых поселилась в Sans Ennui – имении, фактически принадлежавшем наследнику, – его слова становятся понятны. Хотите жить у сестры, приезжайте каждый день к моему двору.

Позднее Дашковой неприятно было вспоминать о помощи Елизаветы Романовны, ведь за признанием услуги следовал упрек в неблагодарности. Поэтому в «Записках» упомянут дом отца. Эта аккуратная поправка показывает, насколько внимательно княгиня относилась к фактам, попадавшим в ее мемуары. Она избегала малейшей шероховатости, способной зацепить внимание читателя и вызвать неудобные вопросы.

Столкнувшись с таким построением текста, трудно принять на веру дневниковую запись Марты Уилмот 25 августа 1804 г.: «В настоящее время княгиня очень усердно пишет свои “Записки”, и я наблюдаю, с какой быстротой она продвигается вперед. Вот она ведет долгие расчеты со своим старостой, затем пишет полстраницы, потом начнет улаживать ссору между двумя крестьянами, и снова – за перо. Ни на минуту не остановится она, чтобы обдумать, что хочет сказать или лучше построить предложение. Каждое слово ложится на бумагу также естественно, как ведется обычный разговор»^[89].

О каком памятнике это сказано? Уж точно не о том, который сейчас знаком читателям. Он носит на себе следы глубокой редактур, сделанной отнюдь не только ирландской подругой княгини, поработавшей над стилем. Марта плохо ориентировалась в русских реалиях полувекковой давности, не чувствовала сопряженности мемуаров с целым полем отечественных источников и вряд ли могла понять многозначительные умолчания автора, немало говорящие современному исследователю.

Для внимательного источниковеда «Записки» выглядят так, как если бы из них были изъяты фрагменты, показавшиеся неудобными, а оставшийся текст заново переписан и сглажен, дабы не вызывать лишних вопросов. Предполагает ли это существование более раннего варианта, ныне утраченного? Был ли он в действительности сожжен мисс Уилмот при отъезде из России, как она сообщала? Или погиб по желанию самой княгини в процессе работы над воспоминаниями? Ответов нет. В настоящий момент мы можем только предположить, где находятся зияющие пустоты, и на свой страх и риск заполнить их информацией из других источников.

«Сок из лимона»

По словам Дашковой, она постаралась всячески уклониться от посещений великого князя и при случае пользоваться именно обществом цесаревны, «которая оказывала мне такое внимание, каким не удостоивала ни одну из дам, живших в Ораниенбауме». Заметив дружбу двух начитанных женщин, Петр однажды отвел Дашкову в сторону и произнес знаменитую фразу: «Дочь моя, помните, что благоразумнее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон»¹⁰. По мнению мемуаристки, эти слова «обнаруживали простоту его ума и доброе сердце».

А вот Екатерина сразу почувствовала угрозу. Молодую даму, на преданность которой она рассчитывала, пытались перетянуть во враждебную группировку. «Я не понимаю, за что хотят выставить меня неблагодарной, – писала она Дашковой, – когда я нисколько не боюсь представить много примеров совершенно другого рода, и, думаю, что даже ваша сестра не станет отвергать их»^[90]. Елизавета Воронцова действительно была кое-чем обязана великой княгине, например, крупным денежным содержанием, которое стала получать, уладив ссору Петра с любовником царевны Станиславом Понятовским. Поэтому Екатерина в письме к Дашковой с полным основанием продолжала: «Я готова была бы побороться со всеми, кто осмелился бы не признать меня вашим другом».

Живя в Ораниенбауме, на приволье, наследник задавал свои любимые праздники в летних лагерях, где много курили, пили пиво, говорили по-немецки и играли в кампи. Такие развлечения казались Екатерине Романовне глупыми и скучными. К счастью для нее, сестра-фаворитка не настаивала, чтобы Дашкова наносила ей частые визиты.

«Как это времяпрепровождение отличалось от тех часов, которые мы проводили у великой княгини, где царили приличие, тонкий вкус и ум! – восклицала княгиня. – Ее императорское высочество относилась ко мне с возрастающим дружелюбием; зато и мы с мужем с каждым днем все сильнее и сильнее привязывались к этой женщине, столь выдающейся по своему уму, по своим познаниям, и по величию и смелости своих мыслей»^[91].

В одной из автобиографических зарисовок Екатерина II так описывала Дашкову этого времени: «Она была младшей сестрой любовницы Петра III и 19 лет от роду, более красивая, чем ее сестра, которая была очень дурна. Если в их наружности вовсе не было сходства, то их умы разнились еще более: младшая с большим умом соединяла и большой смысл; много прилежания и чтения, много предупредительности по отношению к Екатерине¹¹ привязывали ее к ней сердцем, душою и умом»^[92].

Раз в неделю Екатерине позволялось навещать царевича Павла, который оставался с бабушкой-императрицей в столице. «В те дни, когда она знала, что я нахожусь в Ораниенбауме, – отмечала Дашкова, – она на обратном пути из Петергофа останавливалась у нашего дома, приглашала меня в свою карету и увозила к себе; я с ней проводила остаток вечера. В тех случаях, когда она сама не ездила в Ораниенбаум, она меня извещала об этом письмом, и таким образом между великой княгиней и мной завязалась переписка и установились доверчивые отношения, составлявшие мое счастье»^[93].

Помня прежние рассказы нашей героини о семейной близости с августейшими особами, в пору предположить, что и дружба с Екатериной расцвечена и преувеличена княгиней. К счастью, сохранились записки будущей императрицы 1761–1762 гг., адресованные подруге.

¹⁰ Ничего похожего великий князь не говорил. Дашкова позаимствовала эту фразу, впоследствии так приглянувшуюся литераторам, из книги французского памфлетиста К. Рюльера, описавшего Екатерину II. Выражая согласие с данной характеристикой и намекая на собственную судьбу, княгиня вставила слова о лимоне в диалог с наследником.

¹¹ В этом отрывке Екатерина II писала о себе в третьем лице. I

Послания самой Дашковой были сожжены осторожной цесаревной. Публикуя «цидулки» Екатерины, Марта Уилмот заметила, что они чудом «избежали пламени». Однако, зная трепетное отношение Дашковой ко всему, что исходило из рук Екатерины II и указывало на их взаимную близость, легко понять: чудо ни при чем. Княгиня намеренно сохранила 26 записок и предъявила их потомкам, точно знала, что настанет момент, когда ее дружба с императрицей окажется под сомнением.

Записки неоспоримо доказывают, что в короткий период накануне переворота двух женщин связывали самые горячие сердечные чувства. «Для меня так дорого ваше доброе расположение, что я решительно умираю со скуки, когда вы оставили меня, – писала Екатерина. – Поистине трудно найти вам равную». «И сердцем, и головою отдаю Вам полную справедливость». «Надеюсь, вы не усомнитесь в моих чувствах». «В ваших руках все получает значение и интерес». «Как беспредельно я должна любить вас! Но этого мало; я глубоко уважаю вас, и в этом чувстве всякий, кто знает вас и хоть чуть-чуть способен отличать вещи, должен согласиться со мной». «Ваша верность и любовь, неоцененная княгиня, глубоко трогают меня, и я почти себя счастливой, если хоть несколько сумею отблагодарить вас». «Добродетель – первая черта вашего характера. Можно сказать, что я люблю и уважаю вас за нее; это чувство разделяют со мной все, кто знает вас». «Нельзя не восхищаться вашим характером». «Я была бы недостойна вашей любви, если бы не сочувствовала ежедневно доказательствам ее. Нет, из моего сердца никогда не изгладятся эти впечатления»^[94].

Тон Екатерины восторжен, местами даже льстив. Становится ясно, что будущая императрица очень хотела удержать возле себя юную княгиню. Зачем? Одну причину мы уже назвали: сведения из враждебного клана Воронцовых. Однако было и другое важное обстоятельство, заставлявшее цесаревну очень дорожить близостью с Дашковой. Вернее – с Дашковыми.

Михаил Иванович служил сначала штабс-капитаном Преображенского полка, затем вице-полковником лейб-Кирасирского. Шефом последнего являлся великий князь, затем император Петр III. В полк отобрали наиболее преданных офицеров, и тот факт, что среди них высокое место занял зять фаворитки, указывает на доверие, которое государь питал к Дашкову. 28 июня, во время переворота, кирасиры не поддержали сторонников Екатерины II. «Дело дошло почти до драки между созданным императором лейб-Кирасирским полком, очень ему преданным, и конной гвардией»^[95], – писал датский дипломат Андреас Шумахер. Служивых удалось нейтрализовать, сказав, будто Петр III умер. «Явился кирасирский полк, – рассказывал придворный ювелир Иеремия Позье, – состоявший из трех тысяч самых лучших солдат, которые только имелись в войске... Если бы этот полк остался верен императору, то он мог бы перебить всех солдат, сколько бы их ни было в городе»^[96]. А если бы поддержал заговорщиков? Привлекая на свою сторону вице-полковника кирасир, Екатерина, в первую очередь, старалась распространить свое влияние на его подчиненных. Успеху помешал отъезд князя Дашкова весной 1762 г. послом в Константинополь. Задержись он в столице, и поведение полка могло быть иным.

Записки цесаревны к подруге показывают, как Екатерина незаметно втягивала Дашкова в свой круг, используя самые незначительные поводы: «Передайте князю мой поклон за его приветствие, которое он отдал мне, проходя под моим окном. Ваше обоюдное расположение ко мне вдвойне радует меня». Ее письма неизменно заканчивались приветами мужу подруги: «Тысячу всевозможных добрых желаний князю». «Дружба, благодарность и уважение – все связи, соединяющие меня с вами, я пополам делю с нашим великим послом». Даже накануне отъезда Михаила Ивановича к новому месту службы Екатерина просила подругу уведомить его о вспышках энтузиазма, с которым народ встречал молодую императрицу на улице, т. е. говорила с ним как с человеком своей партии.

В небольшом автобиографическом отрывке, продиктованном в 1780-х гг. статс-секретарю А.А. Безбородко, императрица сообщала о тех далеких днях: «К князю Дашкову же

езжали и в дружбе и согласии находились все те, кои потом имели участие в моем восшествии яко то: трое Орловы, пятеро капитаны полку Измайловского и прочие; женат же он был на сестре Елизаветы Воронцовой, любовницы Петра III. Княгиня же Дашкова от самого почти ребячества ко мне оказывала особливую привязанность, но тут находилась еще персона опасная, Семен Романович Воронцов, которого Елизавета Романовна, да по ней и Петр III, чрезвычайно любили. Отец же Воронцовых, Роман Ларионович, опаснее всех был по своему сварливому и перемечливому нраву; он же не любил княгиню Дашкову»^[97].

Из этой зарисовки видно, что у супругов Дашковых собирались недовольные офицеры и их дом мог стать штаб-квартирой заговорщиков, если бы не опасения насчет родных княгини. В день переворота Семен Воронцов сохранил верность Петру III и запоздало вспомнил разговоры у сестры. «Вся важность измены... стала мне более понятна... так как я знал кое-какие обстоятельства»^[98], – писал он. Подозревая брата подруги, императрица была права, а вот князь Михаил Иванович воспринимался ею как абсолютно преданный человек. Его отъезд в качестве посла больно ударил по сторонникам Екатерины.

Куртуазная любовь

Итак, наша героиня была важна для будущей самодержицы благодаря родне и мужу. А сама по себе? Тут нас ожидает очередное умолчание, которыми так богаты мемуары княгини. Из «Записок» Дашковой создается впечатление, будто она являлась единственной подругой цесаревны, во всяком случае, самой близкой. Этот взгляд начал утверждаться еще при жизни императрицы, и та посчитала нужным опровергнуть его в своих воспоминаниях, рассказав о многолетней дружбе с княжной Марией Яковлевной Долгорукой (в замужестве княгиней Грузинской).

«Никогда женщина не заслуживала большего счастья, чем она, – писала императрица, – это была одна из редких личностей по ее замечательной кротости, чистоте ее нравов и доброте сердца; труднее сказать, какого качества ей недоставало, чем перечислить все ее добродетели; никогда женщина не была так уважаема всеми без исключения... это уважение к ней со временем только возросло бы, если б она не умерла в цвете лет 25 декабря 1761 г., в самый день кончины императрицы Елисаветы. Я ее искренно оплакивала, ибо не было такого знака дружбы и привязанности, которого бы эта достойная женщина не выказывала мне в течение всей своей жизни, и, если б она дожила до моего восшествия на престол, которого она ожидала с таким нетерпением, она, конечно, заняла бы выдающееся место при мне; это был друг верный, разумный, твердый, мудрый и осторожный. Я никогда не знала женщины, которая соединяла бы в себе такое количество различных достоинств, и если б она была мужчиной, о ней говорили бы восторженно»^[99].

Перед нами развернутое возражение тексту мемуаров Дашковой. Возможно, их ранние, не дошедшие до нас, фрагменты попали в руки государыни. А, возможно, благодаря многолетнему общению, Екатерина II хорошо знала, как старая подруга «подает себя».

Была ли княгиня знакома с Марией Яковлевной? Неизвестно. Во всяком случае, она не дала ей места на страницах «Записок». Прошлое – для двоих. Остальные – лишние. Перед нами тот же ход, что и в рассказе о серьезном чтении, которым якобы занимались только две Екатерины. Не стоит сразу обвинять Дашкову во лжи. Во-первых, ее мемуары не просто повествовали о былом, а выстраивались строго в соответствии с определенной задачей: показать идеальный образ героини – жены, матери, подруги, государственного деятеля. То есть несли многие черты художественного произведения.

А, во-вторых, Екатерина Романовна *так видела*. И не сама ли цесаревна внушила Дашковой мысль об ее исключительной роли? Рюльер писал: «Значительные особы убеждались по тайным с нею связям, что они были бы гораздо важнее во время ее правления... многим показалось, что при ее дворе они вошли бы в особенную к ней милость». Таков был стиль Екатерины. Она у каждого из сторонников создавала иллюзию преимущественного влияния, а на самом деле влияла на них.

Дашкова рассказывала ту правду, которую видела своими глазами, не подозревая о существовании целого калейдоскопа иных правд. А когда, после переворота, открылись неприятные для княгини, «низкие истины», она предпочла остаться верна своему взгляду на вещи и передала его в «Записках».

Однако, говоря о коротком периоде дружбы, у нас есть возможность примирить рассказы обеих женщин. Судя по содержанию, большинство записок относятся к царствованию Петра III, т. е. возникли, когда Мария Яковлевна уже скончалась. Потеряв близкого человека, молодая императрица нуждалась в замене, и Дашкова заняла опустевшее место. Были и «тайные связи», о которых говорил Рюльер.

Внешняя, напускная куртуазность всей жизни в обществе накладывала и на дамскую дружбу особый отпечаток. Дуэт двух просвещенных женщин по незримым законам века дол-

жен был имитировать взаимоотношения двух различных полов. Ролевая игра «кавалер и дама» – строгая и сложная постановка, в которой талантливые актрисы могли достигнуть совершенства, а бездарные – погубить свою репутацию.

Если мы внимательно приглядимся к тому, как описана дружба двух Екатерины в мемуарах Дашковой, мы увидим значительные элементы этой игры. После первой же встречи, в январе 1759 г., великая княгиня подарила девице Воронцовой веер, который, упав из ее рук, был поднят собеседницей. Об этом случае рассказывала Марта Уилмот: «Она (княгиня. – О.Е.) страстно любила всякую безделицу, ценную по воспоминаниям, и хранила вместе с драгоценными вещами в шкатулке, всегда стоявшей в ее спальне... Последним из ее подарков был старый веер. Этот веер был в руках Екатерины в тот самый вечер, когда Дашкова встретила ее в первый раз. Великая княгиня, собираясь ехать домой, уронила этот веер, Дашкова подняла и подала его. Екатерина, обняв ее, просила принять его в воспоминание первого вечера, который они провели вместе, в залог неизменной дружбы. Эту ничтожную вещь княгиня ценила больше, чем все другие подарки, принятые впоследствии от императрицы; она хотела положить ее с собой в могилу. Отдавая мне этот веер, она промолвила: “Теперь вы поймете, как я люблю вас: я даю вам такую вещь, с которой я не желала расстаться даже в гробу”»^[100].

Комментаторы записок Дашковой обычно не придают эпизоду особого значения. Забавная часть дамского туалета, которую Екатерина Романовна из сентиментальных побуждений сохраняла всю жизнь и даже хотела унести с собой в мир иной. Однако в контексте светской культуры того времени веер и все, что с ним связано, играли немалую роль. Он являлся символом женственности, как шпага символизировала мужчину. Так называемый «язык веера» – его положение в руках у дамы – был полон для кавалера особого смысла. Оброненный красавицей, он мог быть поднят только ее обожателем, для которого намеренно уронили безделушку. А подаренный веер на любовном языке дорогого стоил.

Жест пожилой Дашковой – когда она, вместо того чтобы положить веер Екатерины II с собой в гроб, отдала его Марте, в дружбе с которой на склоне лет возродились чувства молодости, – исполнен особого, не всем понятного смысла.

Итак, игра среди роскошных декораций, опасное скольжение на грани дозволенного – возбуждали подруг. Между ними возникла переписка, в которой они обменивались поэтическими посланиями. Однако не стоит путать роли: стихи писала Дашкова, как и подобает «кавалеру», воздавая хвалу достоинствам «прекрасной дамы».

*Природа в свет Тебя стараясь произвести,
Дары свои на Тя едину истожила.
Чтобы наверх Тебя величества возвесть,
И награждая всем, она нас наградила.*

В ответ Екатерина Романовна получала самые лестные благодарности. «Какие стихи и какая проза! – восхищалась великая княгиня. – ...Я прошу, нет, я умоляю вас не пренебрегать таким редким талантом. Может быть, я не совсем строгий Ваш судья, особенно в настоящем случае, моя милая княгиня, когда Вы... обратили меня в предмет Вашего прекрасного сочинения»^[101].

После обмена пылкими посланиями новым этапом игры становилась личная встреча. Именно так и развивались события. «Я с наслаждением ожидаю тот день, который вы обещали провести со мной на следующей неделе, – писала Екатерина, – и при том надеюсь, что вы будете почаще повторять свои посещения, так как дни становятся короче»^[102].

На взгляд современного человека, не совсем ясен культурный подтекст, на основании которого «дамой» в ролевой игре становилась старшая из подруг, а «кавалером» – младшая. В барочном театре, унаследовавшем многие традиции рыцарского романа, куртуазная любовь

переносила ритуал вассальной присяги и верности на взаимоотношения полов и распределяла роли в пользу более высокого социального положения дамы, подчеркнутого еще и возрастом^[103]. Дамой становилась обычно супруга сеньора. Вспомним королеву Гвиневу, жену короля Артура, вассалом которого являлся Ланселот. Отпрысков благородных семейств часто отдавали на воспитание в дом более богатого и знатного родича, который впоследствии и посвящал мальчика в рыцари. Первые подвиги будущий воин совершал в честь жены сюзерена. Поэтому «прекрасная дама» часто была старше своего верного паладина^[104]. И роли в спектакле между Екатериной и Дашковой распределялись в полном соответствии с традицией.

Грань между игрой и жизнью порой оказывалась настолько тонкой, что сами актеры не всегда осознавали, с какой стороны находятся. В одном из переводов «Записок» Дашковой ее отношение к мужу и к Екатерине передано характерной фразой: «Я навсегда отдала ей (великой княгине. — *О.Е.*) свое сердце, однако она имела в нем сильного соперника в лице князя Дашкова, с которым я была обручена»^[105]. И далее: «Я была так привязана к ней, что, за исключением мужа, пожертвовала бы ей решительно всем»^[106].

Возникает ощущение, что сердце Екатерины Романовны оказалось разделено между двумя претендентами, и это поначалу не причиняло ей никаких страданий, поскольку соперники сосуществовали в двух различных мирах — реальном и воображаемом.

Для великой княгини граница была очень четкой. Как мы говорили, она никогда не забывала передать в записках поклон мужу Дашковой. Иначе осознавала ситуацию Екатерина Романовна. Молодая и порывистая, всегда готовая выйти за рамки любой игры, она болезненно ощущала ложную театрализацию чувств. Ее порывы приводили к некоторой путанице. С одной стороны, княгиня горячо любила мужа. С другой, была так восторженно и пылко предана Екатерине, что не понимала, как той может понадобиться кто-то другой, кроме нее!

Опасность

Вслед за обменом книгами и журналами подруги перешли к весьма неосторожному обмену мыслями, которые носили явный отпечаток государственных планов. «Вы ни слова не сказали в последнем письме о моей рукописи, – обижалась Екатерина. – Я понимаю ваше молчание, но вы совершенно ошибаетесь, если думаете, что я боюсь доверить ее вам. Нет, любезная княгиня, я замедлила ее посылкой лишь потому, что хотела закончить статью под заглавием “О различии духовенства и парламента”... Пожалуйста, не кажите ее никому и возвратите мне, как можно скорее. То же самое обещаю сделать с вашим сочинением и книгой»^[107].

Дашкова и сама направляла подруге заметки, касавшиеся «общественного блага», правда, не подписывая их, то ли из скромности, то ли из осторожности. Впрочем, Екатерина отлично понимала, кто автор понравившихся ей политических пассажей, и не скупилась на похвалы: «Возвращаю вам и манускрипт, и книгу. За первый я очень благодарна вам. В нем весьма много ума, и мне хотелось бы знать имя автора. Я с удовольствием бы желала иметь копию с этой записки... Это истинное сокровище для тех, кто принимает близко к сердцу общественные интересы»^[108].

Документы, о которых говорили подруги в переписке, не сохранились. Однако не трудно догадаться, чему они были посвящены. Рюльер писал о младшей племяннице канцлера: «Молодая княгиня с презрением смотрела на безобразную жизнь своей сестры и всякий день проводила у великой княгини. Обе они чувствовали равное отвращение к деспотизму, который всегда был предметом их разговора»^[109].

Обмениваясь планами будущих преобразований, наши дамы пустились в весьма опасную игру. Первой свою оплошность заметила Екатерина. В случае ознакомления с ее рукописями третьего заинтересованного лица, например, канцлера Воронцова, великой княгине грозили крупные неприятности. Она сама дала врагам материал, на основе которого можно было осуществить ее высылку. Поэтому, допустив неосторожный шаг, Екатерина испугалась.

«Несколько слов о моем писании, – обращалась она к Дашковой. – Послушайте, милая княгиня, я серьезно рассержусь на Вас, если Вы покажете кому-нибудь мою рукопись, исключительно вам одной доверенную... Скажите же мне по правде, неужели вы с этой целью держали мои листки целые три дня, что можно было прочесть не более как в полчаса. Пожалуйста, возвратите их мне немедленно»^[110].

Рассуждения Екатерины о «разнице церкви и парламента», посланные Дашковой и с таким трудом возвращенные назад, не сохранились. Речь могла идти о нецелесообразности предоставления духовенству мест в гипотетическом парламенте, как это и произошло в Уложенной комиссии 1767 г. Тогда правительство Екатерины II опасалось, что после секуляризации церковных земель обиженные священнослужители попытаются оказать сопротивление ее политике.

Любопытный Рюльер отметил стремление семьи канцлера сблизить младшую племянницу с наследником: «Сестра ее, любовница великого князя жила, как солдатка, без всякой пользы для своих родственников, которые посредством ее ласкались управлять великим князем, но по своенравию и неосновательности видели ее совершенно неспособною выполнить их намерения. Они вспомнили, что княгиня Дашкова тонкостью и гибкостью своего ума удобно выполнит их надежды и хитро... употребили все способы, чтобы возвратить ее ко двору... Но так как она делала противное тому, чего от нее ожидали, то и была принуждена оставить двор с живейшим негодованием против своих родственников и с пламенной преданностью к великой княгине»^[111].

Таким образом, французский дипломат располагал сведениями, будто дядя-канцлер желал предложить Петру Федоровичу более умную и оборотистую племянницу, чем обожае-

мая «Романовна». Он намекал на обострение отношений княгини с фавориткой, что и привело к отъезду первой из Ораниенбаума. Эти слова Рюльера задели Дашкову, и в комментариях на его книгу она пометила: «Я не ссорилась с сестрой и могла легко руководить ею, а через нее и государем, ежели бы захотела принимать какое-либо участие в их отношениях друг к другу»^[112].

Если в словах Рюльера есть хоть тень правды, великая княгиня должна была очень испугаться перспективы появления у супруга вместо толстой и недалекой «Романовны» амбициозной, целеустремленной фаворитки. Она постаралась обольстить тезку и возбудить в ее сердце горячую любовь. Ей удалось приковать чувства молодой княгини и превратить последнюю *в свою любимицу*.

Это не могло понравиться родне Екатерины Романовны. Судя по запискам, неясные признаки недовольства семьи проявились в конце лета 1761 г. Именно тогда Дашкова короткий период старалась избегать настойчивых приглашений цесаревны. Вероятно, дядя-канцлер намекнул, что от подобной дружбы страдает ее репутация.

«Что же касается до вашей репутации, она чище любого календаря святых, – посмеивалась Екатерина. – Я с нетерпением ожидаю нашего свидания». Но дамы явно заигрались. «Я только что возвратилась из манежа и так устала от верховой езды, что трясется рука; едва в состоянии держать перо, – сообщала цесаревна в другой записке. – Между пятью и шестью часами я намерена ехать в Катерингоф, где я переоденусь, потому что было бы неблагоприятно в мужском платье ехать по улицам. Я советую вам отправиться туда в своей карете, чтобы не ошибиться в торопливости своего кавалера и явиться в качестве моего любовника»^[113].

На английский манер

И что, спрашивается, должны были подумать родные? Обе просвещенные дамы жили в реальном мире и были окружены реальными людьми, далеко не всегда склонными мыслить театральными категориями. Нежные излияния подруг могли быть превратно истолкованы.

В вопросах дамских куртуазных игр русский двор, конечно, не имел опыта Версаля и тем более Лондона. Но и он, при всей своей патриархальности, к середине XVIII в. уже прошел кое-какие уроки подобного свойства. В самом начале 1740-х гг. трепетная дружба Анны Леопольдовны и ее фрейлины Юлианы Менгден была воспринята окружением императрицы Анны Иоанновны как противоестественная связь. Менгден подвергли медицинскому освидетельствованию с целью обнаружить физические отклонения, но, не найдя их, ограничились разлучением подруг. В короткий период правления «регентины» Анны Леопольдовны при младенце-императоре Иване Антоновиче «дрожащая Юлия» вернулась ко двору, и слухи вспыхнули с новой силой, тем более что фаворитка, ничуть не скрываясь, демонстративно захлопывала двери в спальню правительницы перед носом ее мужа принца Антона Ульриха Брауншвейгского^[114].

Первый серьезный дамский скандал, сотрясший русский двор на заре 1740-х гг., еще не был забыт, а посему нашим героиням вовсе не хотелось возбуждать своей театрализацией неприятные аналогии. Впоследствии, отдавая пылкую и несдержанную Дашкову, Екатерина, кроме прочего, имела в виду и сохранение своей репутации. Патриархальное общество потерпело бы фаворитов-мужчин, но не фавориток-женщин.

Была у дамских игр и другая сторона. Англomanия – любовь к Туманному Альбиону, преклонение перед его экономическими достижениями и фундаментальными законами – заметная часть русской культуры XVIII в. Н.М. Карамзин писал по этому поводу: «Было время, когда я, почти не видав англичан, восхищался ими, и воображал Англию самую приятнейшею для сердца моего землею... Мне казалось, что быть храбрым есть... быть англичанином – великодушным, тоже – чувствительным, тоже – истинным человеком, тоже. Романы, если не ошибусь, были главным основанием такого мнения»^[115].

Мода на все английское: вещи, наряды, книги, журналы, поведение в обществе – являлась выражением более глубокого общественного настроения – моды на британскую свободу. Перенимая английские приемы повязывать галстук или эпистолярные стили, русский дворянин XVIII в. заявлял о своих политических пристрастиях. Процесс внешнего копирования затронул и взаимоотношения полов.

Между тем английское протестантское общество накладывало на своих членов весьма жесткие моральные ограничения. Особенно много препятствий возникало для общения между юношами и девушками «из приличных семей». Там же, где сфера контактов между различными полами сведена до минимума, происходит расширение свободы общения внутри одного пола. Недаром именно эта сторона британской жизни так часто оказывалась под прицелом английских сатириков и карикатуристов XVIII в.

Феномен «любви по-английски», т. е. в рамках одного пола, был воспринят в России именно как проявление нравственной свободы. Таким образом, даже эта область частной жизни превращалась в символ общественных идеалов.

Ролевая игра «кавалер и дама» была не для слабонервных простушек, в ней просвещенные подруги, поклонницы либерализма и государственных реформ, преподносили обществу свой вызов. Искусство состояло как раз в том, чтобы не переступить черту и не подать повод к злословью. Наши героини сумели даже побалансировать на краю для остроты ощущений.

Возвращение в Петербург положило конец частым встречам наедине. Однако и в городе Дашковой удалось обратить на себя внимание. «Она поселилась в Петербурге, – писал

Рюльер, – ...обнаруживая в дружеских своих разговорах, что и страх эшафота не будет ей никогда преградой... Она гнушалась возвышением своей фамилии, которое основывалось на гибели ее друга»^[116]. Слова дипломата подтверждали и Екатерина II. «Так как она совсем не скрывала этой привязанности, – писала императрица о любви подруги, – и думала, что судьба ее родины связана с личностью этой государыни, то вследствие этого она говорила всюду о своих чувствах, что бесконечно вредило ей у ее сестры и даже у Петра III»^[117].

«Горячность в защиту истины»

Тем временем Екатерина обладала и другими сторонниками помимо Дашковой. Один из них – Григорий Григорьевич Орлов – появился в окружении цесаревны в 1759 г. Позднее, в «Записках» и отзывах княгиня станет говорить о знаменитых братьях как о невежественных солдатах низкого происхождения. И снова: *она так видела*, отказываясь принимать иную правду. Все, что не укладывалось в *ее* картину мира, отсекалось или объявлялось ложным.

Между тем дети новгородского губернатора генерал-майора Григория Ивановича Орлова обучались в Сухопутном шляхетском корпусе, по окончании которого Григорий был направлен поручиком в армейский пехотный полк. Трижды раненый при Цорндорфе, он не покинул поля боя и даже взял в плен флигель-адъютанта прусского короля графа Фридриха-Вильгельма Шверина. Вместе с ним Орлова направили залечивать раны в Кенигсберг, занятый русскими войсками^[118]. Прибыв в 1759 г. в Петербург, Григорий получил должность адъютанта при фельдмаршале П.И. Шувалове.

Орлов и Дашкова появились в окружении великой княгини почти одновременно и предназначались ею для общего дела, хотя и не знали друг о друге. Опять французский дипломат весьма точен: «Сии-то были две тайные связи, которые императрица (Екатерина. – *О.Е.*) про себя сохраняла, и как они друг другу были неизвестны, то она управляла в одно время двумя партиями и никогда их не соединяла, надеясь одною возмутить гвардию, а другою восстановить вельмож [против Петра]»^[119].

То, что молодая княгиня не ведала о гвардейских сторонниках своего обожаемого друга, не значит, будто наследник ни о чем не догадывался. Одна из часто мелькающих на страницах исследований сцена из мемуаров Дашковой говорит об обратном. Во время званого обеда на 80 персон, где присутствовала и Екатерина, великий князь «под влиянием вина и прусской солдатчины» позволил себе угрозу, ясную очень немногим. Полагаем, что сама героиня мемуаров до конца дней так и не осознала истинного смысла слов цесаревича.

«Великий князь стал говорить про конногвардейца Челищева, у которого была интрига с графиней Гендриковой, племянницей императрицы Елизаветы. ...Он сказал, что для примера следовало бы отрубить Челищеву голову, дабы другие офицеры не смели ухаживать за... родственницами государыни. Голштинские приспешники не замедлили кивками головы и словами выразить свое одобрение». О ком говорил Петр? Уж явно не о Челищеве с Гендриковой. У него под рукой имелись иная «родственница государыни» и иной «гвардейский офицер». Фактически цесаревич угрожал Орлову.

Не понимая этого, Дашкова подтолкнула разговор к крайне опасному вопросу. – Я никогда не слышала, – заявила она, – чтобы взаимная любовь влекла за собой такое деспотическое и страшное наказание...

– Вы еще ребенок, – ответил великий князь...

– Ваше высочество, – продолжала я, – вы говорите о предмете, внушающем всем присутствующим неизъяснимую тревогу, так как за исключением ваших почтенных генералов, все мы... родились в то время, когда смертная казнь уже не применялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Письма Кэтрин Вильмот // Е.Р. Дашкова. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М., 1987. С. 301.

2.

Герцен А.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Дашкова Е.Р. Записки 1743–1810. Л., 1985. С. 258.

3.

Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1990. С. 268.

4.

Пушкин А.С. Пол. собр. соч. М. —Л., 1937–1949. Т. XII. С. 337.

5.

Записки княгини Е.Р. Дашковой. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1859. С. 5–6.

6.

Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 3–4.

7.

Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002. С. 294.

8.

История родов российского дворянства. Кн. 2. СПб., 1886. С. 19.

9.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.—Л., 1937–1949. Т. 8. С. 42.

10.

Там же. С. 167.

11.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 162.

12.

Бессарабова Н.В. Е.Р. Дашкова при дворе русских императриц // Е.Р. Дашкова. Портрет в контексте истории. М., 2004. С. 53–54.

13.

Там же. С. 60–61.

14.

Там же.

15.

Записки княгини Е.Р. Дашковой. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1859. С. 6.

16.

Там же. С. 4.

17.

Бессарабова Н.В. Указ. соч. С. 53.

18.

Захарова О.Ю. Граф А.Р. Воронцов и граф Н.П. Шереметев // Воронцовы – два века в русской истории. Владимир, 1992. С. 60.

19.

Тычинина Л.В. Бессарабова Н.В. «...Она была рождена для больших дел». Летопись жизни Е.Р. Дашковой. М., 2009. С. 12.

20.

Письма Марты Вильмот // Е.Р. Дашкова. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М., 1987. С. 372.

21.

Тычинина Л.В. Великая россиянка. М., 2002. С. 30

22.

Записки, оставшиеся по смерти княгини Натальи Борисовны Долгорукой. СПб., 1912.

23.

Соловьев С.М. Сочинения. Т. 25. М., 1994. С. 103–105.

24.

Дашкова Е.Р. Записки 1743–1810. Л., 1985. С. 5–6.

25.

Болотина Н.Ю. Женщины рода Воронцовых в повседневной жизни императорского двора XVIII в. // Е.Р. Дашкова и золотой век Екатерины. М., 2006. С. 146.

26.

Там же. С. 150–153.

27.

Архив князя Воронцова. Кн. V. М., 1872. С. 12.

28.

Тычинина Л.В. Указ. соч. С. 54.

29.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 98 – 100.

30.

Строев А.Ф. Авантюристы просвещения. М., 1998. С. 108–110.

31.

Архив князя Воронцова. Кн. XVI. М., 1880. С. 68.

32.

Воронцов-Дашков А.И. Московская библиотека княгини Е.Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 136–139.

33.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 4, 6.

34.

Кросс А.Г. Британские отзывы о Е.Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 29

35.

Воронцов А.Р. Записки // Русский архив. 1883. С. 231–232.

36.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 10.

37.

Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. Л., 1936. С. 156.

38.

Модзалевский Л.Б. Литературная полемика Ломоносова и Тредиаковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года. «XVIII век». Сб. 4. М.—Л., 1959. С. 45–65.

39.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 6.

40.

Рюльер К.К. Указ. соч. С. 61.

41.

Веселая Г.А. Фирсова Е.Н. Москва в судьбе княгини Дашковой. М., 2002. С. 27.

42.

Воронцов А.Р. Указ. соч. С. 246.

43.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 6.

44.

Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 10.

45.

Тычинина Л.В. Указ. соч. С. 31–32.

46.

Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 9.

47.

Письма Марты Вильмот // Е.Р. Дашкова. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М., 1987. С. 278.

48.

Рюльер К.К. Указ. соч. С. 67–68.

49.

Кросс А.Г. Указ. соч. С. 39.

50.

Рюльер К.К. Указ. соч. С. 67.

51.

Бекингемшир Д.Г. Записки // Русская старина. 1902. Т. 109. № 3. С. 657.

52.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 7–8.

53.

Веселая Г.А. Фирсова Е.Н. Указ. соч. С. 14.

54.

Екатерина II. Записки о перевороте 1762 года // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 345.

55.

Веселая Г.А. Фирсова Е.Н. Указ. Соч. С. 11.

56.

Черкасов П.П. Указ. соч. С. 208.

57.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 247.

58.

Тычинина Л.В. Указ. соч. С. 24.

59.

Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 249.

60.

Письма Марты Вильмот // Е.Р. Дашкова. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М., 1987. С. 283.

61.

Архив князя Воронцова. Кн. XXI. М., 1881. С. 380.

62.

Суворин А.А. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова: Исследования А.А. Суворина. СПб., 1888. С. 20–21.

63.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 33.

64.

Дашкова Е.Р. Продолжение отрывка записной книжки // Новые ежемесячные сочинения. 1791. Ч. 66. С. 5.

65.

Дашкова Е.Р. Истины, которые знать и понимать надобно, дабы, следуя оным, избежать несчастий // Новые ежемесячные сочинения. 1795 г. Ч. 114. С. 3.

66.

Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1990. С. 268.

67.

Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 135.

68.

Щербатов М.М. О повреждении нравов в России //Столетие безумно и мудро. М., 1986. С. 320, 332, 336.

69.

Кросс А.Г. Указ. соч. С. 29.

70.

Щербатов М.М. Указ. соч. С. 359.

71.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 14.

72.

Тычинина Л.В. Указ. соч. С. 75.

73.

Дашкова Е.Р. Нечто из записной моей книжки // О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 222–223.

74.

Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 9, 14.

75.

Веселая Г.А. Фирсова Е.Н. Указ. соч. С. 11.

76.

Архив князя Воронцова. Кн. XVI. М., 1880. С. 4.

77.

Дашкова Е.Р. Тоисиоков // Е.Р. Дашкова. О смысле слова «воспитание». СПб., 2001. С. 187.

78.

Дневник статского советника Мизере // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 54, 55.

79.

Воронцов-Дашков А.И. Екатерина Дашкова. М., 2010. С. 48.

80.

Дашкова Е.Р. Тоисиоков // Е.Р. Дашкова. О смысле слова «воспитание». СПб., 2001. С. 187.

81.

Архив князя Воронцова. Кн. III. М., 1872. С. 475.

82.

Дашкова Е.Р. Записки 1743–1810. Л., 1985. С. 7.

83.

Там же.

84.

Сафонов М.М. Екатерина Малая и ее «Записки» // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 19.

85.

Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 458.

86.

Бройтман Л.И. Петербургские адреса Е.Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 193.

87.

Мыльников А.С. Петр III. М., 2002. С. 83.

88.

Архив князя Воронцова. Кн. V. Ч. I. М., 1872. С. 172.

89.

Письма Марты Вильмот // Е.Р. Дашкова. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М., 1987. С. 269.

90.

Письма императрицы Екатерины II // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Лондон, 1859. С. 308.

91.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 15–16.

92.

Екатерина II. Записки о перевороте 1762 года // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 345.

93.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 16–17.

94.

Письма императрицы Екатерины II // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 299–313.

95.

Шумахер А. История низложения и гибели Петра III // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 281.

96.

Позье И. Записки придворного бриллианщика // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 324.

97.

Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 463.

98.

Воронцов С.Р. Автобиография. // Русский архив. 1876. Кн. 1. Вып. 1. С. 35.

99.

Екатерина II. Записки // Слово. 1989. № 2. С. 83.

100.

Дополнение к Запискам Дашковой. Рассказ издательницы их // Записки княгини Е.Р. Дашковой. М., 1990. С. 405.

101.

Письма императрицы Екатерины II // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 301.

102.

Там же. С. 301.

103.

Подробнее о том, как этот принцип преломлялся в зеркале культуры XVIII в. смотри мою статью «Ау, сокол мой» // Наука и религия. 1994. № 3.

104.

Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. М., 1990. С. 91–94.

105.

Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 7.

106.

Там же. С. 16–17.

107.

Письма императрицы Екатерины II // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 302–303.

108.

Там же. С. 303.

109.

Рюльер К.К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 67–68.

110.

Письма императрицы Екатерины II // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 303–304.

111.

Рюльер К.К. Указ. соч. С. 68–69.

112.

Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 422.

113.

Письма императрицы Екатерины II // Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. С. 311–312.

114.

Курукин В.И. Анна Леопольдовна // Вопросы Истории. № 6. 1997. С. 34.

115.

«Англофилия у трона». Британцы и русские в век Екатерины II. Сост. Э. Кросс. Лондон, 1992. С. XIII.

116.

Рюльер К.К. Указ. соч. С. 69.

117.

Екатерина II. Записки о перевороте 1762 года // Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России. М., 1991. С. 345.

118.

Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Екатерининские орлы. М., 1996. С. 141.

119.

Там же.